

Е.М. Копоть

Русские школы М.А. Черкасовой в Бейруте: эпоха становления (1887–1897)

Аннотация

Целью представленной статьи является детальная реконструкция истории становления комплекса русских школ Императорского православного палестинского общества (ИППО) в Бейруте в 1887–1897 гг., которая до сих пор не подвергалась предметному анализу в историографии. Актуальность работы определяется необходимостью критического пересмотра укоренившихся в позднейшей историографии «юбилейных мифов». Эмпирическую базу исследования составляют впервые вводимые в научный оборот документы Архива внешней политики Российской империи. Изучение данного феномена позволяет раскрыть сложный и противоречивый характер русской просветительской миссии на православном Востоке. Основное содержание статьи сосредоточено на миссионерской и педагогической деятельности М.А. Черкасовой, известной как «Мама Москобие». Направленная в Бейрут в 1887 г. при отсутствии у руководства ИППО детального плана работы и научной экспертизы региона, она столкнулась с низким уровнем образования, доминирующим инославным влиянием в местной православной среде. По личной инициативе она учредила первую русскую школу для девочек. В статье подробно описываются противодействие со стороны коррумпированных драгоманов российского консульства и ультимативные требования петербургского руководства Общества, расходившиеся с условиями жизни на местах, кадровый голод, холодное отношение представителей МИДа Российской империи, угрозы безопасности, исходившие от мусульманского окружения. Феномен непрерывной тридцатилетней преподавательской деятельности М.А. Черкасовой в Бейруте не имеет аналогов в ис-

тории Императорского православного палестинского общества и является уникальным по своему содержанию. Значение работы состоит в обосновании тезиса о том, что успешное и долговременное развитие школьного дела ИППО в регионе было обеспечено не системной поддержкой, а исключительно личной энергией, искренней верой и самопожертвованием М.А. Черкасовой.

Ключевые слова:

Антиохийский патриархат, православные арабы, Россия и православный Восток, Сирия, Ливан, Императорское православное палестинское общество, М.А. Черкасова, В.Н. Хитрово, Елизавета Федоровна.

Для цитирования:

Копоть Е.М. Русские школы М.А. Черкасовой в Бейруте: эпоха становления (1887–1897) // Исторический вестник. 2025. Т. 54. С. 216–263. DOI: [10.35549/HR.2025.2025.54.006](https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.54.006)

Evgeny M. Kopot'

Maria A. Cherkasova's Russian Schools in Beirut: the Formative Period (1887–1897)

Abstract

The purpose of this article is to provide a detailed reconstruction of the history of the establishment of the network of Russian schools of the Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS) in Beirut between 1887 and 1897 — a topic that has not yet been the subject of a focused analysis in historiography. The relevance of the study stems from the need to critically reassess the «anniversary myths» that have become entrenched in later historiography. The empirical foundation of the research consists of materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, introduced into scholarly circulation for the first time. The study of this phenomenon makes

it possible to reveal the complex and contradictory nature of the Russian educational mission in the Orthodox East. The main focus of the article is on the missionary and pedagogical activities of Maria A. Cherkasova, known as «Mama Moskobie». Sent to Beirut in 1887, at a time when the leadership of the IOPS lacked both a detailed work plan and scholarly assessment of the region, she encountered a low level of education and the dominance of heterodox influences within the local Orthodox community. On her own initiative, she founded the first Russian school for girls. The article provides a detailed account of the opposition she faced from corrupt dragomans of the Russian consulate, the peremptory demands of the Society's leadership in St. Petersburg that conflicted with local conditions, the shortage of qualified personnel, the indifference of representatives of the Russian Ministry of Foreign Affairs, and threats to security from the surrounding Muslim environment.

The phenomenon of Maria A. Cherkasova's uninterrupted thirty-year teaching career in Beirut has no parallel in the history of the Imperial Orthodox Palestine Society and is unique in its nature. The significance of this work lies in substantiating the thesis that the successful and lasting development of the IOPS's educational activity in the region was ensured not by systematic institutional support, but solely by Maria A. Cherkasova's personal energy, sincere faith, and self-sacrifice.

Keywords:

Patriarchate of Antioch, the Orthodox Arabs, Russia and the Orthodox East, Syria, Lebanon, Imperial Orthodox Palestine Society, Orthodoxy, M.A. Cherkasova, V.N. Hitrovo, Elisaveta Fedorovna.

For citation:

Kopot' E.M. Maria A. Cherkasova's Russian Schools in Beirut: the Formative Period (1887–1897) // The Historical Reporter. 2025. Vol. LIV. P. 216–263. DOI: 10.35549/HR.2025.2025.54.006

е имея возможности полноценно развиваться в Палестине, школьная деятельность Православного палестинского общества (далее — ИППО) была вынужденно перенесена в Сирию и Ливан. На канонической территории

Антиохийской церкви проживало более 200 тыс. православных, принадлежавших к зажиточным слоям общества¹. Епархиальные архиереи, материально независимые от греческого патриарха, обладали большим влиянием, а позиции России были гораздо крепче. Самым авторитетным среди них в последней трети XIX в. являлся бейрутский митрополит Гавриил (Шатила). В 1861–1869 гг. настоятель Антиохийского подворья в Москве², хорошо говоривший по-русски, ярый сторонник тесных связей с Россией, он дважды — в 1885 и 1891 гг. — претендовал на патриарший престол. С его благословения и главным образом благодаря энергии миссионерки М.А. Черкасовой (1841–1918)³ были сделаны первые шаги Общества на педагогическом поприще в Антиохийском патриархате.

Спустя четверть века в официальных документах Общества история создания школ описывалась сухо, в трафаретном духе чиновничьих реляций. «Школьная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии началась двадцать три года тому назад, в 1887 г., когда командированной Обществом русской учительницей в Бейруте была учреждена первая русская школа Пророка Илии в квартале Мусайтебе. Спустя три года, когда эта школа успела приобрести доверие и симпатии местного населения, открылись в течение 1890 и 1891 гг. еще три школы: одна в квартале Мазраа и две в Хай-Румели и, наконец, еще через два года, в 1893 г., открылась школа в Рас-Бейруте. <...> Довольно быстрое и успешное развитие русских городских школ в Бейруте привлекло к себе внимание православных общин и православного духовенства всего антиохийского патриархата...»⁴ Насколько дух текста был победно однообразным, настолько же он был и далек от сути дела. К сожалению, его стилистика была унаследована и поздней-

¹ В отличие от Иерусалимского патриархата, бедная невежественная паства которого не превышала 20–25 тыс. (*Хитрово В.Н.* Православие в Святой Земле. СПб., 1881. С. 122.), а скорее, была меньше — 16,7 тыс., по данным К. Карпата (*Karpat K.* Ottoman population. 1830–1914. Demographic and social Characteristics. Madison, 1985. P. 128–129).

² Кавалер ордена Святой Анны 2-й степени. Награжден по ходатайству митрополита Московского Иннокентия 12 апреля 1870 г. (Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 797. Оп. 39. 3 ст. 2 отд. Д. 67. Л. 73).

³ Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных М.А. Черкасовой, Н.Н. Лисовой вынужденно отметил: «Биография этой бесспорно выдающейся женщины [...] еще не написана». *Лисовой Н.Н.* М.А. Черкасова и школы Императорского Православного Палестинского Общества в Бейруте / Вспомогательная литература в помощь друг другу... Россия и арабский мир: взаимное восприятие (Сборник статей) / Сост.: Н.Г. Романова, И.М. Смилянская (отв. ред.), А.О. Филоник. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 440.

⁴ Отдел рукописей РНБ. Ф. 253. Оп.1. Д. 36. Л. 1.

шей историографией⁵. Среди наиболее внимательных работ последнего времени стоит отметить статью П.В. Федотова⁶. Тем не менее эпоха образования комплекса русских школ в Бейруте до сих пор не становилась предметом подробного рассмотрения в отечественной науке. Реконструкция на базе впервые вводимых в научный оборот материалов Архива внешней политики Российской империи, сложной истории зарождения бейрутских школ Палестинского общества представляет немаловажное значение. В этом феномене как в частице целого отразился весь характер русского присутствия на православном Востоке.

Первые шаги на сирийском берегу

В начале 1887 г. после собеседования с М.П. Степановым и В.Н. Хитрово М.А. Черкасова была направлена в Сирию. Следует сказать, что встреча Бейрута и М.А. Черкасовой была во многом случайной. Вместо будущей столицы Прибрежного вилайета Мария Александровна вполне могла оказаться в любом другом уголке левантийского побережья. Никаких проработанных инструкций относительно будущей деятельности у руководства Общества не существовало.

20 февраля 1887 г. В.Н. Хитрово в сопроводительном письме на имя генерального консула К.Д. Петковича⁷ сообщал следующее: «...Михаил Петрович (Степанов. — Е.К.) писал о нашем предположении: послать в ваше распоряжение кроме русского учителя и русскую учительницу. Мы для этого имеем очень подходящую особу и рады были бы употребить ее с пользой. На первое время она могла бы только преподавать русский язык в женской школе в Бейруте и в месяцев 6 такого преподавания осмотреться и ознакомиться настолько, чтобы сообразить главное, как устроить и свое женское училище, буде в нем явится потребность. Где? В Бейруте, Акре, Кайфе и Яффе — покажет время»⁸.

⁵ См.: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006. С. 160–253.

⁶ Федотов П.В. Бейрутские школы Императорского православного палестинского общества (1887–1914 гг.): религиозно-политический проект М.А. Черкасовой (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Российский журнал истории Церкви. 2022. № 3(2). С. 50–65.

⁷ Константин Дмитриевич Петкович (1827–1897) — генеральный консул в Бейруте в 1869–1896 гг.

⁸ Дмитриевский А.А. XXV-летие русских школ в Бейруте и служение в них М.А. Черкасовой // Сообщения ИППО. 1912. Т. 23. Вып. 1. С. 76–88.

Вид на Бейрут из резиденции Общества Иисуса в сторону района Джумейзе-Сюрсок-Мудаввар.
*Les petites écoles du Mont-Liban: Joseph Delore, s.j. (1873–1944).
 Beirut: Presses de l'Université Saint-Joseph, 2003*

Более оторванный от реальности план было сложно представить. Письмо наглядно показывает, сколь далеко петербургское руководство находилось от понимания своих дальнейших шагов в регионе, а социальные и экономические условия местной жизни в Северной Пальмире представлялись весьма приблизительно. Наряду с «невестой моря» — как называли Бейрут современники — В.Н. Хитрово рассматривает возможность открытия училища в таких совершенно непригодных для этого городах, как Акра, Хайфа⁹ или Яффа.

К концу весны 1887 г., когда большинство состоятельных жителей, спасаясь от жары и влажности, переезжают на дачи в прохладе Ливанских гор, М.А. Черкасова оказалась в Бейруте. Париж Востока «раскинулся амфитеатром по побережью моря со множеством садов у окраин города; узкая каменная набережная окаймляет город со стороны моря; дома довольно высокие, с плоскими крышами, над которыми выдается несколько христианских церквей; на заднем плане города

⁹ Представляли собой второстепенные населенные пункты с доминирующим мусульманским населением, административно зависимые от столицы Прибрежного вилайета Бейрута (с 1888 г.) и находящиеся у его южных границ, вдали как от консульства, так и центральных властей.

тянется цепь Ливанских гор, покрытых лесом...»¹⁰. Превозмогая знойный климат, миссионерка приступила к работе, стараясь «всякий день проводить с пользой для дела во славу Божию, по мере сил моих...»¹¹. ИППО предполагало, что она станет учительницей русского языка в «прославленной» — по характеристике А.Е. Крымского — школе Трех святителей (среднего типа)¹². Однако благодаря пронизательности Марии Александровны этой ошибки удалось избежать. Познакомившись с постановкой образовательного процесса в «великой школе»¹³, миссионерка вынужденно пришла к заключению, что «женская школа, в которой предполагалось и мне, подобно Кезьме, участвовать, имеет такой состав учительниц, в который поступить значило бы испортить все дело с самого начала, так как в чужой монастырь со своим уставом не ходят, а следовать их уставам не позволяет разумное понимание дела воспитания»¹⁴.

Особенное возмущение у нее вызвал педагогический состав данного заведения — «каких-то разорившихся в торговле гречанок, выписанных из Марселя»¹⁵. «Видимо у них нет ничего серьезного; самый дух, господствующий в школе, показывает порчу детских сердец именно способом воспитания этих учительниц... Все манеры их и ужимки неприличны для обыкновенных лиц порядочного общества, не только для наставниц. Все это, конечно, передается и детям. И все те же арабки в руках их и грязны, и малоспособны, и ведут себя неприлично»¹⁶, — вынесла приговор М.А. Черкасова. На уровне известной арабской пословицы — «палка для непослушных» (العصا لمن عصى) — находилась и школьная методика преподавания: «Лица у детей тупые, отвечают урок долбяшкой, вообще прискорбно»¹⁷. «К сожалению, здесь особенно в православных школах существуют методы преподавания скорее забивающие способности детей, чем развивающие их»¹⁸, — сокрушалась М.А. Черкасова.

¹⁰ Коптев А. Воспоминание о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим в 1887 г. СПб., 1888. С. 268.

¹¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 3 об.

¹² Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896–1898). М., 1975. С. 76.

¹³ «Al-madrasah al-Kubra», как называли школу Трех святителей (или иначе школу Трех лун) в Бейруте.

¹⁴ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 5.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 7 об.

¹⁸ Там же. Л. 14 об.

Причину столь резкого неприятия школы, которую арабист А.Е. Крымский характеризовал как «прославленную»¹⁹, вероятно, следует искать в религиозной атмосфере, которую остро почувствовала миссионерка. «В мужской школе, где учил прежде Кезьма <...> более всего поразило меня то, что преподается Закон Божий по иезуитскому французскому учебнику и сам учитель Закона Божия Латинец или Униат»²⁰. Характерным типом такого учителя являлся Наджиб Насим Трад, по мнению антиклерикала А.Е. Крымского, «несомненно хороший и образованный человек»²¹, учившийся у иезуитов и преподававший в той же школе французский язык, которого, однако, «здешнее общество не любило за его занятия философией»²². Но то, что было хорошо для А.Е. Крымского и местных «nahdawi» — деятелей арабского возрождения, было неприемлемо для миссионерки М.А. Черкасовой. Борьба с разлагающим влиянием Запада, как в его католическом, так и позитивистском изводе, была доминантой в деятельности Мамы Москобие.

«Греческие или вернее арабские школы существуют кажется только ради внушения детям отвращения к учению и для развития всевозможных болезней», — резюмировала свои первые впечатления наставница²³. Поступить в школу Трех лун, в соответствии с пожеланиями В.Н. Хитрово, означало принять на себя ответственность за сложившийся там порядок вещей и с самого начала скомпрометировать Общество в глазах православного населения, которое считало всех «русских святыми»²⁴.

С этого вызова, брошенного ливанской жизнью, начинается история школ Мамы Москобие — самого яркого и оригинального явления во всей образовательной деятельности ИППО. М.А. Черкасова со своими характерными энергией и инициативой приняла решение не поступать в школу Трех лун, а открыть свою.

«Опытная и энергичная»²⁵, она провела совещание с генконсулом К.Д. Петковичем и 13 июня 1887 г. не очень дипломатично — *post factum* — известила Совет Общества о его результатах: «Сообразив все это, мы и порешили с Константином Дмитриевичем открыть просто класс русского языка для приходящих девочек в моей квартире пока для

¹⁹ Крымский А.Е. Письма... С. 76.

²⁰ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 7 об.

²¹ Крымский А.Е. Письма... С. 76.

²² Там же. С. 79.

²³ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 8 об.

²⁵ Дмитриевский А.А. XXV-летие русских школ.... С. 80.

первого начала»²⁶. Не имелось ни помещения, ни учебных пособий, ни поддержки высших сфер. Но не было и категорического запрета.

11 июля 1887 г. из конторы Двора Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Сергея Александровича был отправлен хотя и одобрительный, но не лишенный скепсиса ответ М.П. Степанова²⁷: «Открывайте с Божией помощью, как Вы пишете, свой класс; думаю, что лучше и удобнее открыть совместно небольшой и арабский класс <...> Опасаюсь, что для одного Русского языка к Вам и 2-х учениц не пойдет. Впрочем, Вам виднее»²⁸.

Опасения секретаря Общества оказались не напрасными. Спустя неделю знакомиться с русским языком к М.А. Черкасовой пришла всего лишь одна ученица — «наставница здешней православной арабской школы» Трех святителей — Аффифе Абдо, «девушка 22 лет, весьма скромная, хороших правил, нравственная, так что могла бы и помощницей быть, если бы ее знания и педагогические приемы несколько тому соответствовали»²⁹. В июле 1887 г. вряд ли кто-то мог предположить, что единственной посетительнице русского класса будет суждено стать верной соратницей М.А. Черкасовой до последних дней ее жизни. Сама Аффифе встречу с Мамой, как она ее называла, считала чудом, предсказанным ей вещим сном, случившимся за два года до этого³⁰.

Такое, далеко не триумфальное, начало русского класса обнажило весь комплекс проблем российского присутствия на Ближнем Востоке. Аграрная страна с преобладающим крестьянским населением, поздно начавшая промышленный переворот (типологически схожая с Турцией), Российская империя в конце XIX в. не могла выдерживать кон-

²⁶ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 5 об.

²⁷ Михаил Петрович Степанов (1853–1917) — генерал-майор (1891), в 1882–1889 гг. секретарь Православного палестинского общества. В 1889–1917 гг. помощник председателя ИППО.

²⁸ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 12.

²⁹ Там же. Л. 14 об.

³⁰ Ей приснилась звезда, сияющая на западе, под которой «большими буквами на иностранном языке» было что-то написано. «Я смутилась и удивилась, увидев все это. Тогда я сказала себе: “Если ты не знаешь смысла этих букв, не знаешь, на каком языке это написано, то почему тебе все это показал Господь? Верно Он хочет, чтобы я узнала этот смысл”» (Абдо А.Д. Краткая история жизни Мамы — Марии Александровны Черкасовой, главы и основательницы русских школ Российского Императорского Православного Палестинского общества в Бейруте / Всмотриваясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие (Сборник статей). Сост.: Н.Г. Романова, И.М. Смилянская (отв. ред.), А.О. Филоник. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 420).

Женская школа Св. Ильи в Бейруте с начальницей М.А. Черкасовой.
 Русские учреждения в Святой Земле и почившие деятели Императорского
 Православного Палестинского Общества. XXV. 1882–1907. Санкт-Петербург,
 Тип. В.Н. Кирибаума, 1907 г.

курению с Англией, Францией и США. Стремительные изменения в экономической жизни оказывали влияние на выбор жизненного пути ближневосточного юношества: знание европейских языков становилось для левантийцев повседневной необходимостью. Как отмечал российский генконсул в Бейруте: «Родители предпочитают школы, в которых изучают иностранные языки»³¹. Особенной популярностью пользовались учебные заведения (в основном миссионерские), дававшие знание «новых» — французского и позднее английского — языков, которые пришли на смену итальянскому в качестве *lingua franca* в прибрежных городах восточного Средиземноморья во II половине XIX в. И если французский как язык торговли, промышленности, почты, телеграфа, железных дорог, судоходства, высших школ в большей степени был необходим для жизни в Сирии, то английский приобрел важность с ростом эмиграции из сиро-ливанского региона, открывая «двери к “сказочным” заработкам и барышам американских счастливицев»³².

18 июля 1887 г. М.А. Черкасова писала М.П. Степанову: «Общественное мнение требует от школы прежде всего французского языка... Желающих изучать Русский язык весьма мало; Россия, говорят, далеко,

³¹ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 110 об.

³² АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 434. Л. 119 об.

торговых сношений у нас с нею нет, да и вообще в обществе никто не говорит по-русски, ни даже сами русские, которые, кажется, готовы предпочесть какой угодно язык своему родному»³³. Кроме французского языка от школы для девочек требовалось обучение навыкам, необходимым будущей жене и матери — «умению вышивать и вообще шить и отчасти музыки и пения, кто может»³⁴.

Таким образом, камнем преткновения на пути педагога становился вопрос о русском языке и — шире — о роли и месте России в жизни Ближнего Востока. Ответ на вопрос, что могла дать далекая Россия православным сирийцам, необходимо было найти в кратчайшие сроки и учесть при подготовке к открытию школы.

От класса русского языка к собственной школе

22 сентября 1887 г. в бейрутском квартале Мусайтбе открыла свои двери первая школа М.А. Черкасовой. Спустя четверть века, в 1912 г., это событие описывалось А.А. Дмитриевским следующим образом: «...М.А. Черкасова стала домогаться к началу следующего учебного года открыть самостоятельную русскую школу, что и было сделано К.Д. Петковичем... После долгих поисков и хлопот 22 сентября 1887 г. покойным бейрутским митрополитом Гавриилом, жившим долго в России <...> была освящена в нижней части города <...> первая русская школа в Бейруте, и с этих пор в течение 25 лет Мария Александровна, “во славу Божию”, несмотря на свой преклонный возраст и серьезные немощи, неустанно трудится для блага сирийской церкви и для славы своего отечества на поприще педагогическом»³⁵. При ближайшем рассмотрении становится ясно, что это был юбилейный миф, умело сконструированный А.А. Дмитриевским, который ювелирно нашел и значимую роль консула, и подчеркнул активность митрополита. Впоследствии этот подобострастный панегирик официальной дипломатии и руководству Общества, будучи подхвачен Н.Н. Лисовым³⁶, оброс новыми «детальями» (см.: Н. Лагузова³⁷) и утвердился

³³ Там же. Д. 425. Л. 15.

³⁴ Там же.

³⁵ Дмитриевский А.А. XXV-летие русских школ... С. 76–88.

³⁶ Лисовой Н.Н. М.А. Черкасова и школы... С. 446.

³⁷ «Поддержанная на самых первых порах генеральным консулом в Бейруте К.Д. Петковичем (курсив. — Е.К.), школа была вручена (sic! — Е.К.) М.А. Черкасовой...» (Лагу-

в современной историографии, представляя собой явную схематизацию и упрощение³⁸.

Далеко не так об этих горячих днях ранней ливанской осени писала сама героиня: «Открылась наша школа на скорую руку; у нас тогда ничего не было, даже мебели, диван в моей комнате был сколочен из дорожного ящика, и его я берегу до сих пор, как предмет дорогого воспоминания...»³⁹

Дом для нее был нанят с 17 сентября 1887 г. на один год за 4500 пиастров. «Каковыя, — как пишет наставница М.П. Степанову, — я и уплатила хозяину из своего жалования, дабы не отлагать открытия школы до получения от Вас денег»⁴⁰. Характерный штрих добавляет следующая фраза: «Не желая роптать и плакаться, я не писала Вам все это время, пока обстоятельства не позволили мне написать Вам нечто приятное»⁴¹.

Только 30 сентября 1887 г. М.А. Черкасова с облегчением и радостью могла наконец донести в С.-Петербург: «Слава и благодарение Создателю! Школа для приходящих девочек открыта сего Сентября 22 дня»⁴².

Подчеркнем, школа была открыта педагогом на личные средства на свой страх и риск, а все время до начала октября 1887 г. в правлении Общества не подозревали о ее появлении.

зова Н.А. Школьная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в 1905–1914 гг. // Иерусалимский Православный семинар. Вып. 3. М., 2012. С. 125).

³⁸ Интересно, что созданный по тому же поводу текст Афифе Абдо был написан в ярко выраженном житийном жанре и являлся схематизацией противоположного толка. Он относился непосредственно к личности Марии Александровны и далекой Святой Руси, но в нем практически не нашлось места Палестинскому обществу. Эти акценты отразили натянутые отношения, существовавшие между руководством общества, М.А. Черкасовой и семьей Абдо (завуалированно о деятелях Общества идет речь, когда Афифе сообщает, что на нее клеветали «недобрые, не порядочные люди», желая разлучить ее с Марией Александровной). Впрочем, она была не далека от истины, Н.М. Аничков в отчете прямо писал: «Мне кажется, что обществу необходимо осторожно и умело отстранить из школ, руководимых М.А. Черкасовой, семейство Абдо... Но особенно Афифе Дмитриевна потому не должна оставаться в школе Св. Ильи и быть помощницей Марии Александровны, что она вмешивается решительно во все...» Аничков Н.М. Учебные и врачебные заведения императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. Ч. 1. Учебные заведения Сирии и Иудеи. СПб., 1901. С. 117–118.

³⁹ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 195. Л. 107–111 об.

⁴⁰ Там же. Д. 425. Л. 32 об.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 32.

Синдром «драгомании»⁴³

Дом для школы был нанят по рекомендации «араба, честного человека некоего Селима Раиеса, которого дядя митрополитом в Либане в Триполи, а прежде жил и получил образование в России 25 лет»⁴⁴. Для школы он так же прислал «большой образ Тихвинской Божией Матери в школу и вообще Селим Русской души человек»⁴⁵.

Ни о какой помощи со стороны русского консульства и его драгоманов не могло быть и речи: «Более всех помех в открытии школы равно и в найме квартиры имела я именно от тех, кто должен был помогать мне в этом, но Бог сильнее всех и... когда миновала возможность помешать нанять мне этот дом и заставить нанять другой неподходящий (но быть может позволяющий получить взятку с хозяина), тогда все они начали хвалить и находить избранный мною дом лучшим всех остальных»⁴⁶.

Тут впервые на практике М.А. Черкасова столкнулась с системой отношений, существовавшей в треугольнике: русское консульство — семья Шааде — арабское общество. Консульские драгоманов из семьи Шааде «ненавистны всем почти арабам, но все их боятся и потому льстиво преклоняются пред их малейшим желанием»⁴⁷. Селима Шааде «все здесь знают за масона, за атеиста и за человека, живущего открыто заведомо с женою одного православного фотографщика (которого она теперь держит за лакея, а Шааде за мужа, и много зла творится чрез нее), католичкою, которая и распоряжается всеми делами Консульства посредством Шааде (сына), получая взятки с приходящих к ней и отбирая деньги (жалование) от Шааде, находящегося у нее под башмаком. И это открыто заведомо всем, все знают и все боятся»⁴⁸. Силу своих драгоманов (отца и сына) сознавал и сам генеральный консул, который говорил М.А. Черкасовой, что «знает давно их за мошенников, но что он не может отослать их...»⁴⁹. «Кажется и консул боится их, — резюмиро-

вала М.А. Черкасова, — и здесь выражаются так: “Лежит консул в люльке (один из Шааде), одна нянька качает его, другая (сын ли отец) прислушивается за дверьми, заснул ли, чтобы пустить в ход свои машины”»⁵⁰.

Источники позволяют провести независимую проверку этих нелестных характеристик. Спустя десятилетие антиклерикал А.Е. Крымский, который не общался с М.А. Черкасовой, называл ее в личных письмах «ханжой» и не бывал в ее «мелких школах»⁵¹, оставил следующие комментарии об отношении преемника К.Д. Петковича со своим всесильным драгоманом. Князь А.А. Гагарин⁵² вместе с А.Е. Крымским в ноябре 1896 г. мечтал «ввести здесь в Бейруте правосудие, преследовать взяточничество и для начала выжить драгомана, торгующего русским правосудием»⁵³. Выдающийся востоковед полностью подтверждает мнение М.А. Черкасовой: «Когда я узнал, что здесь творится, в Турции, у меня волосы дыбом стали. Между прочим, я открыл, что драгоман утаивает от князя имена виновных мусульман, с которых получает взятки»⁵⁴. Такое совпадение характеристик говорит как об их подлинности, так и о проницательности наставницы.

Полное подтверждение получает у А.Е. Крымского и версия М.А. Черкасовой относительно женского влияния на дела консульства: «У Шааде есть до сих пор тесные отношения с его прежней содержанкой, с которой он было разошелся после женитьбы на одной почтенной девице... в доме этой содержанки, как и когда-то раньше, происходят всякие сделки между Салимом и людьми, имеющими нужду в русском консульстве»⁵⁵.

Забегая еще на 10 лет вперед, следует с прискорбием констатировать, что положение мало изменилось и к 1906 г. П.И. Ряжский во время инспекции южно-сирийских школ в письме вице-председателю ИППО

⁴³ Термин, введенный Дэвидом Урквартом, означающий болезненную зависимость европейских дипломатов от местных посредников-драгоманов. *Cunningham A. The Dragomans of the British embassy at Constantinople / Eastern Questions in the 19th century: collected essays / by Allan Cunningham; edited by Edward Ingram. London, 1993. Vol. 2. P. 1.*

⁴⁴ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 37 об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 36 об.–37.

⁴⁷ Там же. Л. 36 об.

⁴⁸ Там же. Л. 37–37 об.

⁴⁹ Там же. Л. 36 об.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Крымский А.Е. Письма... С. 92.* Это объяснялось исключительно взглядами самого А.Е. Крымского. Другой востоковед-магистрант, сын выпускника С.-Петербургской духовной академии, арабист, академик И.Ю. Крачковский в 1908–1910 гг. посещал ее школы каждое воскресенье (*Крачковская В.А. И.Ю. Крачковский на Ливане и в Палестине / Палестинский сборник. Вып. 1 (63). 1954. С. 113.*) «Во время двухлетних скитаний по Сирии я очень любил бывать в школах Русского Палестинского общества» (*Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. М., 1965. С. 75.*)

⁵² *Александр Александрович Гагарин* — российский генеральный консул в Бейруте 11 (24) ноября 1905 г. — 16 (29) мая 1911 г. Впоследствии генеральный консул в Генуе.

⁵³ *Крымский А.Е. Письма... С. 60.*

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 259.

Н.М. Аничкову так отзывался о С. Шехаде: «Будучи правой рукой консула благодаря своим несомненным достоинствам и осведомленности, он пользуется и торгует русским влиянием не без выгоды для своих личных целей, но не всегда с выгодой для русского дела»⁵⁶. Соглашаясь с данной характеристикой, Н.М. Аничков, ранее лично посещавший Бейрут, подчеркнул последние слова красным карандашом и написал напротив: «да, да, да»⁵⁷.

Несмотря на все препятствия, школа, как повествовала 30 сентября 1887 г. М.А. Черкасова, открылась «тихо, скромно и смиренно, то есть без лишнего шума и шумных торжеств, **не было ни Консула, ни Митрополита** (выделено нами. — Е.К.); отслужил молебен местный священник, помолились ближайшие прихожане»⁵⁸. К.Д. Петкович, как и Гавриил (Шатила), дипломатично уклонился от присутствия на церемонии, дабы не иметь проблем ни с турецким правительством (разрешения на открытие школ Общество не имело и они не были признаны правительством до 1902 г.), ни с духовным начальством в лице патриарха Герасима (Протопапаса) (1885–1891).

Как видим, школа не только не была «поддержана» дипломатией, ни уж тем более «вручена» наставнице, но была обязана своим существованием исключительно энергии и решимости «Мамы Московии».

Учреждение русской православной школы было встречено местным населением с энтузиазмом, что привело к притоку учеников, который превзошел все ожидания М.А. Черкасовой: «Более двухсот девочек с первых дней, в первую неделю»⁵⁹. В итоге дом Абду Саида оказался «недостаточен для такого множества; не желая, однако, отказывать приходящим, дабы не дать им повода возвратиться в инославные школы, я приняла их всех, устроив для маленьких палатку на дворе»⁶⁰. М.А. Черкасова повела решительную борьбу с детской беспризорностью, неграмотностью и протестантской пропагандой. О первых шагах на этом миссионерском пути она воодушевленно писала М.П. Степанову: «...радуюсь Вашему намерению положить основанием школы религию, так как это всегдашнее и неизменное и мое желание каковое, Богу помогающе (одно из своеобразных выражений М.А. Черкасовой. — Е.К.), и стараюсь приводить во исполнение. По воскресеньям уже открыта беседа или пока

⁵⁶ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 434. Л. 21.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. Д. 425. Л. 32.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

просто объяснение литургии, молитв, Евангелия и пр.»⁶¹. Аффифе Абдо сообщала, что в год приезда М.А. Черкасовой в Бейрут протестанты добились больших успехов в квартале Мусайтбе, «где в результате их деятельности девочки даже не знали смысла крестного знамения. Именно поэтому Мама считала необходимым наставлять девочек в первую очередь в православной вере, а уж затем — в других науках. В то время между протестантами и нашими ученицами происходили религиозные дискуссии. Девочки обращались к Маме с многочисленными вопросами, а она учила их, как нужно правильно отвечать на них, опровергая протестантов»⁶². Миссионерская деятельность М.А. Черкасовой привела к тому, что «здешняя протестантская школа почти опустела, и отослав большую часть учительниц, оставила лишь двух»⁶³.

Кроме недостаточности нанятого помещения не менее остро встал вопрос и педагогического состава, который бы удовлетворял требованиям директрисы. Суть их заключалась в сочетании владения предметом и готовности к служению православной церкви. Как подчеркивал в своем отчете Н.М. Аничков: «Начальная школа, основанная М.А. Черкасовой, зиждется на твердом усвоении слова Божия, и молодые девушки воспитываются не только в сознании необходимости непоколебимой веры, но и в строгом соблюдении обрядовой стороны, причем начальница школы является для них примером самой искренней религиозности»⁶⁴.

М.А. Черкасовой пришлось признать, что православных учительниц «здесь получить весьма трудно, т. е. действительно умеющих преподавать»⁶⁵. Отсутствие готового педагогического персонала не смутило М.А. Черкасову. «Госпожа небольшого роста»⁶⁶, как ее описывала Аффифе Абдо, энергично принялась за подготовку наставниц. «Днем Мама сама преподавала в первом классе, а закончив там, обучала учительниц. ...Мы же, учительницы, бодрствовали полночи, вставая в пять часов утра, поскольку Мама в это время обучала нас преподаванию, а также искусству

⁶¹ Там же. Л. 34.

⁶² Абдо А.Д. Краткая история жизни Мамы — Марии Александровны Черкасовой, главы и основательницы русских школ Российского Императорского Православного Палестинского общества в Бейруте / Вспомогательная работа в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие (Сборник статей) / Сост.: Н.Г. Романова, И.М. Смилянская (отв. ред.), А.О. Филоник. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. М., 2013. С. 425.

⁶³ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 35 об.

⁶⁴ Аничков Н.М. Учебные и врачебные заведения... С. 108.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 35.

⁶⁶ Абдо А.Д. Краткая история... С. 423.

управления школой. Все это она делала по-французски, поскольку не знала ни слова по-арабски, а я в то время не знала ни слова по-русски. Поэтому процесс обучения был нелегко и для нее, и для нас. Мы трудились, не покладая рук, не замечая, когда кончался день и начиналась ночь»⁶⁷. Такой подход иногда вызывал уныние и отчаяние даже у самой старшей из четырех молодых сирийских учительниц⁶⁸, которой на тот момент едва исполнилось 22 года: «Иногда я отчаивалась, жизнь казалась мне слишком трудной, мне хотелось все бросить и вернуться в родной дом»⁶⁹. Но за минутами уныния возникала и надежда. Аффифе Абдо «вновь подчинялась тому зову, который приказывал мне и дальше нести мой крест»⁷⁰. Духовная общность, единство взглядов на дело предопределили, в конечном итоге, успех многолетнего сотрудничества А. Абдо и «госпожи моей, любимой моей Мамы»⁷¹.

Языковой вопрос и нотки ориентализма

Испытывать волнение М.А. Черкасову заставляли не только бытовые неурядицы. Как было сказано, ключевым вопросом являлся язык преподавания. По первому практическому опыту на месте было очевидно, что русский язык оказался не востребовавшимся. Тем не менее Советом Общества преподавание в школе французского языка, как языка католической пропаганды, было категорически запрещено.

Находясь между ультимативными требованиями Петербурга и не менее жесткими условиями бейрутской действительности, М.А. Черкасова была вынуждена лавировать. «С французским языком приходится ухитряться на все лады. Пока объявила, что первый месяц начну исключительно с Русского, что уже и сделано — французский же после...»⁷² В качестве объяснения, не вполне искреннего, М.А. Черкасова объявила родителям, что «недовольна здешними учебниками, надо оные выписать из России и пр. Это для непонимающих дела и требующих, во что бы то ни стало французского языка, а таковые чуть не все. Для понимающего же меньшинства потихоньку исподволь объясняется не только беспо-

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Роза Смат, Эмилия Смат, Эмилия Абденнур и Аффифе Абдо.

⁶⁹ Абдо А.Д. Краткая история... С. 423.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 420.

⁷² АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 34.

лезность, но и вред французского языка, как деморализующего девочек, привыкающих к французским романам и модам и как средства, дающего возможность читать Вольтера и пр.»⁷³. Не будет большим преувеличением сказать, что подобная тактика не имела больших шансов на успех — трудовое население Мусайтбе требовало французского языка вовсе не для чтения Вольтера, а как необходимого для жителей залива Святого Георгия средства к добыванию хлеба насущного.

Однако обеспокоенность М.А. Черкасовой не находила понимания на берегах Невы. Общество в жесткой форме потребовало запрещения французского языка в школе: «Не взирая ни на что, хотя бы и все ушли, т. е. безусловного запрещения преподавания этого языка»⁷⁴. Не сделав ничего для создания школы, оно с легкостью готово было ее уничтожить. Позиция В.Н. Хитрово была максимально жесткой: «Мы не должны обучать наших арабских питомцев тому языку, который им облегчает доступ к католической литературе иезуитов-пропагандистов. А для своего широкого образования арабы безусловно все найдут на русском языке в богатейшей русской всемирно признанной изящной литературе...»⁷⁵ Лицемерную двусмысленность ситуации подчеркивал тот факт, что как сотрудники Общества, так и русские дипломаты говорили между собой по-французски. Востоковед А.Е. Крымский отмечал, что в семье консула А.А. Гагарина разговор «сплошь да рядом переходит на французскую речь»⁷⁶, а «такой довольно квасной русский патриот как В.Н. Хитрово превосходно с нами говорил о русских задачах на Востоке по-французски, а не по-русски»⁷⁷. Когда в октябре 1897 г. в гостиную русского генерального консульства А.Е. Крымский попытался ему возразить, что «ведь вот же мы трое ведем между собою беседу не по-русски, а по-французски и не превращаемся в католиков», то В.Н. Хитрово исчерпывающе ответил: «Мы — другое дело», — и переменял тему разговора⁷⁸.

Главная помощница М.А. Черкасовой Аффифе Абдо, со своей стороны, владение французским языком считала «вдохновением» Господним. За два с половиной года «тяжких мук» под руководством сестер-лазаристок из четырех сестер Абдо только она одна усвоила его хорошо.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Л. 34 об.

⁷⁵ Крымский А.Е. История новой арабской литературы. XIX — начало XX в. М., 1971. С. 311.

⁷⁶ Крымский А.Е. Письма... С. 61.

⁷⁷ Там же. С. 241.

⁷⁸ Крымский А.Е. История новой арабской... С. 311.

Именно французский язык стал впоследствии для нее «единственным средством познакомиться с Мамой»⁷⁹.

Ради спасения новорожденной школы Мама Москобие пошла на прямое неповиновение указаниям руководства Общества. О запрете французского языка ученицам сообщено не было. В дискуссии с М.П. Степановым она объяснила свое решение так: «Что же касается до предположения Вашего, якобы знание французского языка облегчит им поступление в высшие иезуитские школы, то во 1-х высших таковых для девушек не существует, во 2-х люди, знающие здешние обычаи, говорят, что именно лишение их преподавания французского языка заставит почти всех уйти от нас ради получения этого вождеденного ими знания в инославных школах. В виду всего этого, я и поопасалась объявить...»⁸⁰ Владея ситуацией на месте, но также понимая ничтожность открытой борьбы с руководством, М.А. Черкасова в заключение письма возлагала ответственность за скорое закрытие школы на Совет Общества: «Поставляю только со своей стороны в таком случае условием не винить меня, если уйдут все из-за этого»⁸¹.

У консульского порога

Первый месяц существования школы был близок к тому, чтобы стать и последним. Тем временем в теплохладной реальности императорского консульства все выглядело вполне благодушно. Не было ни переживаний, ни опасений. 28 октября 1887 г. К.Д. Петкович сообщал В.Н. Хитрово, что школа идет недурно и многие ученицы изучают русский язык. Это было легко объяснимо: сложно переживать о том, к чему не имел практически никакого отношения.

Отношение консула характеризует ситуация, произошедшая в конце сентября 1887 г. «Перед отъездом в Иерусалим я зашла к нему (К.Д. Петковичу. — Е.К.) посоветоваться, куда мои вещи поставить, он предупредил мою просьбу, говоря: “Мой дом не для того существует, чтобы вещи ставить”⁸². “Да я о доме не говорю, я говорю о консульском дворе”. Однако так меня поразило это скарество, что я оставила вещи

⁷⁹ Абдо А.Д. Краткая история... С. 418.

⁸⁰ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 34 об.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. Л. 38.

в мужской школе»⁸³. Как и следовало ожидать, вещи учительницы были украдены.

«Но что меня поразило более всего, — писала наставница М.П. Степанову, — так это то, что консул отрекся мне в глаза от прежде сказанных им слов о доме не для вещей, как будто не мне же в глаза он их и говорил. Я смотрела на него, слушала и ушам своим не верила! Да! Консулы у нас — слава России, не только помощи от них нет Русскому делу, но всякий искренно желающий служить Православной Церкви Русской более всего должен опасаться подводных камней именно у подъезда Консульства. <...> Но Бог с ним, в дом его мы редко заглядываем, здесь в Бейруте живу я 5 месяцев, а еще не имела чести выпить у него в семье ни чашки чаю, не говоря о завтраке. Вы понимаете, многоуважаемый М.П., что не нужен мне его хлеб, Господь кормит меня, слава и благодарение Ему, и верую, что и впредь Он не оставит меня. Участие дорого...»⁸⁴ Бескомпромиссная характеристика, к которой сложно что-либо добавить.

Вскоре после оптимистичного рапорта К.Д. Петковича сбывлись худшие опасения М.А. Черкасовой. Вновь дала о себе знать проблема невостребованности русского языка. 22 ноября 1887 г. директриса была вынуждена сообщить в Совет Общества, что «половина школы ушла, увидав, что не преподается французский язык, а иные потому, что учила их не по азбуке с картинками, как делают протестанты, а прямо дала читать Евангелия. Прим.: теперь человек 150 в школе. Но ежедневно число их меняется»⁸⁵.

«Москоб» слово магическое»: народная дипломатия в Мазраа

Однако уже спустя месяц проблемы филологии отошли на второй план, уступив место вопросам жизни и смерти. Мусайтбе — маленький квартал — оказался в центре большой политики. Январь 1888 г. в Бейруте ознаменовался всплеском межконфессионального насилия: десятки христиан были ранены.

22–24 января 1888 г. на юге Бейрута в квартале Мазраат аль-Араб, непосредственно примыкающем к Мусайтбе, произошли массовые столкновения христиан и мусульман. «Вечером мы были все страшно

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. Л. 38 об.–39.

⁸⁵ Там же. Л. 45.

перепуганы. Я слышала крики и плач и думала сначала, что это пожар <...> не замечая ни с какой стороны ни пламени, ни дыма, спрашиваю: да где же огонь? — Какой огонь! Не огонь, а убийство, дерутся, стреляют, ранят, мучат, убивают...»⁸⁶ Непосредственной причиной конфликта послужило враждебное отношение (на почве контрабанды) христианского населения к сторожам «табачного откупа, которые вербуются исключительно между мусульманами»⁸⁷. В результате беспорядков и дальнейших действий по их подавлению со стороны солдат и жандармов пострадало в основном христианское население: более тридцати человек было ранено, двое из которых от полученных травм скончались⁸⁸. Наутро после погрома вместо двухсот учениц в школу пришло 5–10 человек «и все с испуганными лицами <...> и видимо некоторые из старших девочек пришли сегодня лишь для того, чтобы поговорить об этом, выразить свое сожаление и сочувствие, что я одна здесь, что они боятся как бы меня не убили и проч. Пусть бы Русские пришли и защитили нас, напишите им, пусть приходят владеть нами...»⁸⁹. Занятия были сорваны, так как «все в страхе и ужасе. Дети просили меня вместо урока поучить их петь: “Боже! Царя храни”. Это послужило нам неким успокоением»⁹⁰. Столкновения происходили при явном попустительстве турецких властей. Как рассказывала одна из матерей учащих девочек: «По ночам солдаты врываются к нам в дом под предлогом обыскивания укрывающихся и отбирают у нас последний кусок хлеба, поедая сваренную пищу и побивая после посуду...»⁹¹ Под влиянием бейрутского кади Рамиз-бея мутасарриф Несухи-бей представил дело как бунт христиан против законной власти⁹².

⁸⁶ Там же. Л. 62–62 об.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 53.

⁸⁸ Там же. Л. 53 об.

⁸⁹ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 62 об.

⁹⁰ Там же. Л. 63.

⁹¹ Там же. Л. 69 об.

⁹² В более широком контексте эти (вполне будничные для Ливана) столкновения в 1888 г. имели особое значение на фоне политической борьбы, связанной с попытками добиться выделения Бейрута в отдельный вилайет. Надежды влиятельных кругов местной элиты обрели новую силу с назначением Камиля-паши (Кыбрыслы) великим визирем, который, как надеялись, «не забыл свое время в Бейруте». Европейские дипломаты считали, что столкновения были связаны с решением османского правительства разделить провинции Дамаск и Бейрут. В этой ситуации «бунта христиан» против власти сирийский генерал-губернатор Рашид Нашид-паша убеждал Порту, что образование Прибрежного вилайета отдаст его в руки иностранных держав. Однако Рашид Нашид-паша эту битву проиграл. Он скончался

М.А. Черкасова в смешанной школе св. Архангела Михаила (Мазраа).
 «Московские школы» Ливана, 1887–1914. Бейрут, Санкт-Петербург, 2012

В феврале 1888 г. беспорядки все еще серьезно отражались на жизни школы. По словам М.А. Черкасовой, «чуть не половина детей не приходит, так как отцы их в тюрьме или приговорены к смертной казни: пятеро должны быть повешены <...>, а 80 человек приговорены на 15-летнее тюремное заключение. И все дети этих несчастных вместе с матерями остаются голодные и холодные, а известно, что соловья баснями не кормят, не до ученья им, когда они голодны и холодны. Те же, которые приходят, стараются и учатся хорошо и успевают в русском языке, жаль только, что приходят непостоянно, а так в неделю 2–3 раза, сегодня один, завтра другой»⁹³. Лишенные средств к существованию, «женщины с малыми детьми неотступно» врываются в двери школы, которые «в известные часы отворены для детей, умоляя о помощи»⁹⁴. «Что же делаю я? — восклицала директриса. — Подивитесь моей жестокости: сердце мое надрывается, а я гоню их от двери, не подавая им даже милостыни. Увы, мне грешной, и это из опасения привлечь толпу, и чего доброго не навлечь подозрения. И так отсылаю бедняков ни с чем, говоря им: “Дело не мое, мое дело — школа, а вы можете обращаться к консулу”. На этот

от сердечного приступа в день получения уведомления о своем смещении, а султанский указ о создании Прибрежного вилайета был провозглашен 7 марта 1888 г.

⁹³ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 77–77 об.

⁹⁴ Там же. Л. 70.

совет они приходят чуть не в отчаяние, с плачем выкрикивая: все нас отсылают от себя: один консул к другому, а этот к митрополиту и вы тоже, а нам есть нечего; малые дети хлеба просят, а у нас и муки нет, наши поденщики-работники мужья до семидесяти человек в тюрьме засажены, а если в какой семье и остался кто-либо из мужчин, то он или лежит, изнемогая от ран, или прячется где-либо в доме, боясь выйти и попасться на глаза Туркам»⁹⁵.

В январе–феврале 1888 г., совершенно того не предполагая, М.А. Черкасова стала представительницей России в Мусайтбе и Мазраа. «“Москоб” слово магическое. Когда я хожу по улицам, взрослые шепчут “Москобия”, а ребятишки кричат “Москобия”, пока я не скроюсь у них из виду. А иные крестятся и говорят: Мы Москоб, то есть православные, что однозначно для них»⁹⁶. С одной стороны, воодушевленно писала М.А. Черкасова, «мое русское Православное сердце не может не радоваться, видя такое расположение к Русским», а с другой — ей пришлось на себе в полной мере ощутить дистанцию, существовавшую между идеализированным образом России и реальным положением вещей.

В дни кризиса обострился вопрос защиты православного населения со стороны русского дипломатического представительства. Приходское духовенство Бейрута активно критиковало К.Д. Петковича за пассивность: «Хотя Русский (консул. — Е.К.) и уверяет, будто он все делает, что может, но мы знаем, что он ничего не делает и при этом прибавил такие слова, которые неудобны к писанию...»⁹⁷ Эти проявления свободы слова ставили учительницу в «крайне щекотливое и неловкое положение»⁹⁸.

Доведенная до отчаяния, она написала консулу с просьбой посетить школу. Когда К.Д. Петкович приехал, А. Абдо обратилась к нему от лица жителей квартала: «Дайте телеграмму в Россию, пусть пришлют эскадру, пошлете телеграмму? Если мы все и мужчины соберемся к Вам и будем просить дать телеграмму Русскому Царю?»⁹⁹ Советовавший ранее М.А. Черкасовой «не слушать» генконсул «сам попался и не мог заставить ее молчать»¹⁰⁰. Справедливо опасаясь, что эти разговоры, «перетолкованные, с южным воображением», могут дойти до турецких властей

⁹⁵ Там же. Л. 69 об.

⁹⁶ Там же. Л. 71 об.

⁹⁷ Там же. Л. 70 об.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. Л. 71 об.

¹⁰⁰ Там же.

и принести большой вред, Общество потребовало от М.А. Черкасовой прекратить «решительно подобные проявления»¹⁰¹.

М.П. Степанов предложил исчерпывающее решение консульской проблемы: мы «не можем допустить в нашей школе каких-либо пересуд и толков относительно нашего Генерального консула К.Д. Петковича. Родителям, позволяющим себе подобные разговоры, Вы можете просто запретить это, указав, как неприлично в Русской школе позволять себе бранить представителя Русского Правительства», а также вывесить его портрет «на видном месте в школе»¹⁰². Простые решения — запретить бранить и вывесить портрет консула¹⁰³ — не всегда хорошо работают. В итоге, чтобы не «слышать подобные разговоры и жалобы»¹⁰⁴, М.А. Черкасова вынужденно перестала принимать даже родителей учениц.

Насколько разительно теория отличалась от практики, становится очевидно при сравнении рабочих инструкций М.П. Степанова с программным текстом помощника председателя Общества В.Н. Хитрово. Напомним, что в нем он в 1879 г. заявлял следующее: «Относительно уже политических интересов я тоже укажу только, что мы — естественные наследники греков везде, где существует православие, что бить турок можно не на одном Дунае, не одною поддержкою православных славян, но и на Евфрате и прибрежьях Средиземного моря, опираясь на православное арабское население»¹⁰⁵. Очевидно, что тезисы В.Н. Хитрово были ориентированы на вкусы высших сфер петербургского общества и внутривластные задачи, а в реальности Османской империи ИППО руководствовалось гораздо более умеренными установками.

Образы России

Реальная опасность инцидента 1888 г. заключалась в специфике момента (хотя вряд ли в С.-Петербурге об этом догадывались), связанного с разделением вилайетов. Однако сами представления (в духе «зачем

¹⁰¹ Там же. Л. 79–79 об.

¹⁰² Там же. Л. 79 об.–80.

¹⁰³ Важно отметить, что с самого момента открытия школы портрет К.Д. Петковича находился «под портретами Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны». (АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 86 об.)

¹⁰⁴ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 74 об.

¹⁰⁵ Хитрово В.Н. Неделя в Палестине. Из путевых воспоминаний В.Н. Хитрово. СПб., 1879. С. 60–61.

Москобы не приходят управлять нами»), актуализированные кризисом, были вполне традиционными и стереотипными для православной арабской среды. В 1897 г. А.Е. Крымский описывал следующий диалог, произошедший с местной жительницей в селе Табиша на Ливане: «Когда же русские придут забрать нас?» — задала она мне веселый вопрос. <...> «С какой же стати русские пришли бы забрать вас?» — задал вопрос я уж от себя. «Да ведь мы — русские подданные, московские», — ответила она тем же беззаботным тоном, мало вникая в смысл своих слов, произнося их как заученную фразу...»¹⁰⁶

Здесь мы непосредственно сталкиваемся с образом «другого», бытовавшим в бейрутском социуме на макро- и микроуровнях. С одной стороны, присутствовало исторически сложившееся представление о великой державе — покровительнице православных в Османской империи, а с другой — специфический образ русских людей. «... на Востоке, который видит из русских только пилигримов, составилось убеждение, что нет на свете более набожного народа, чем “москобы”: они — “абрар” (праведники)»¹⁰⁷, — писал А.Е. Крымский. И от себя иронично добавлял: «Полагаю, что я своими избыточными крестами поддержал эту славу»¹⁰⁸.

Сам он относился к иному типу русских, говоря о которых, Мария Александровна раз за разом повторяла: «Ох! Горе наше! Всегда я вспоминаю покойного Иннокентия Митрополита Московского, сказавшего мне: “Я, знаете, матушка, бывало на Алеутских островах говорю туземцам о приезжих Русских: “Это не настоящие Русские, настоящие Русские далеко”, ибо совестно признать их за Русских, с которых туземцы могли бы взять пример христианской жизни”»¹⁰⁹. А.Е. Крымский, не ходивший в церковь и не вписывавшийся в этот образ «москоб абрар», производил в общественном мнении сенсацию: «Моя хозяйка заставляла меня перекреститься перед ней, чтобы убедиться, христианин ли я»¹¹⁰. Дошло до того, что в итоге даже маленькие дети стали укорять А.Е. Крымского, говоря: «Йахуди (иудей)»¹¹¹. На таких «не настоящих русских» в марте 1900 г. М.А. Черкасова жаловалась И.П. Ювачеву, говоря, что ей «много раз приходилось краснеть», когда они «показывали свое невнимание или небрежность к богослуже-

¹⁰⁶ Крымский А.Е. Письма... С. 175.

¹⁰⁷ Там же. С. 181.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 155–155 об.

¹¹⁰ Крымский А.Е. Письма... С. 41.

¹¹¹ Там же.

нию и к храму»¹¹². Сама же М.А. Черкасова, с точки зрения православных арабов, представляла собой идеальный тип русского человека.

На макроуровне Россия воспринималась как грозный противник Турции и защитник православных христиан Востока. В ситуации, где идеализированные представления не совпадали с реальностью, как в 1888 г., возникали разочарование и протест. Когда консул К.Д. Петкович, действуя вполне в соответствии с инструкциями посольства в Константинополе, рекомендовал директрисе не возбуждать подозрений османских властей, православные жители Бейрута с восточной пылкостью стремительно проходили короткую дистанцию от любви до ненависти. В связи с этим, если представительницу России в Мусайтбе и Мазраа М.А. Черкасову звали Мама Москобия, то по поводу К.Д. Петковича задавались вопросом: москоб ли, а А.Е. Крымского заставляли креститься и называли иудеем, с трудом признавая в нем доселе неизвестный тип русского человека.

В 1897 г. в массовом сознании православных произошел кризис, аналогичный описанному выше. В связи с поддержкой Россией османского правительства в Тридцатидневной войне образ покровительницы православных заметно поблек. Тем не менее в обычное время представление о православной империи как дружественной арабам стране продолжало сохраняться на уровне улицы как мусульманской, так и христианской. «Мусульмане знают, что Турция держится теперь одной лишь Россией, а православные арабы знают, что православие держится Россией», — сообщал родным А.Е. Крымский. «...Имя “русский” стало для меня, как и для всех, кого она воспитала, священным и полным любви, ибо это имя принадлежало той, которая оставила все, что ей было дорого, ради любви к нашему народу и нашей нации»¹¹³, — вспоминала позднее А. Абдо. Весной 1900 г. штрихи к этому описанию добавлял И.П. Ювачев: «С каким дружелюбным доверием относятся жители Бейрута к Марии Александровне и к ее школам, можно было судить по поведению кучки арабов, которая сопровождала ее из церкви до дома»¹¹⁴.

Так в тревогах и борьбе за существование пролетел первый год русской, во имя св. пророка Ильи школы в Мусайтбе.

В июне 1888 г. с инспекцией в школу прибыл помощник председателя Общества В.Н. Хитрово. «Было 8 часов утра; Мария Александров-

¹¹² Ювачев И.П. Паломничество в Палестину ко Гробу Господню. СПб., 1904. С. 44–49.

¹¹³ Абдо А.Д. Краткая история... С. 423.

¹¹⁴ Ювачев И.П. Паломничество в Палестину... С. 44–49.

на оказалась в церкви; дверь в дом заперта, на дворе 2–3 девочки, ранние ученицы; сели и мы в тени на завалинку. Подходят новые девочки; у одной вижу знакомый переплет с крестом. Вот и прекрасно: не будем терять дорогого времени. Развертываю книгу — русское Евангелие. Спрашиваю девочку: умеешь читать? Отвечает: умею, и без запинки читает целую страницу а *livre ouvert*. Я даже диву дался. [Между тем приходит Мария Александровна. Пока пили кофе, мы бранились, т. е. она высказывала свои гриефы¹¹⁵, я — свои] Позвонили на молитву, значит все дети собрались. Мы отправились в классную. Я просил Марию Александровну не делать экзаменов, а вести уроки, как в будний день. Детей набралось до 119. Я не стану описывать подробно ни трогательной общей молитвы, ни классов¹¹⁶; довольно сказать теперь одно: из 120 девочек — 20 читают по-русски, переводят с русского на арабский язык и обратно, конечно, с запинками, но незначительными; другие, разделенные на 4 класса, находятся во всех стадиях — от приучения креститься и изучения арабских молитв до вышеприведенного старшего класса. Единственное руководство — Евангелие, русское и арабское. На нем учатся читать и писать. Кроме того, преподается арифметика. И это все в 9 месяцев»¹¹⁷.

Отмечая восторг детей от его посещения школы, М.А. Черкасова писала В.Н. Хитрово: «Для меня, быть может, не менее чем для них ваша слеза была наилучшим поощрением как выражение сочувствие делу, которому я всею душою предана — и вот: оно это дело теперь — наше общее детище. Простите меня, Василий Николаевич! Что не утерпела не выразить Вам этих чувств, такова натура, — отрадно поделиться мыслью и чувством»¹¹⁸. Успех учениц так вдохновил руководство, что Луиза Бхамдуни, Асма и Афифе Абдо вместе с наставницей были приглашены в Иерусалим на совещание руководителей школ для демонстрации их достижений¹¹⁹.

¹¹⁵ Grief (*фр.*) — жалоба.

¹¹⁶ А. Абдо об этом впечатлении Хитрово от русского языка в Бейруте вспоминала: «покойный Василий Николаевич Хитрово расплакался от радости, услышав, как девочки молились на русском языке. Проэкзаменовав учениц, он был удивлен их успехами». Абдо А.Д. Краткая история... С. 424.

¹¹⁷ Аничков Н.М. Учебные и врачебные заведения... С. 109–110.

¹¹⁸ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 102.

¹¹⁹ Абдо А.Д. Краткая история... С. 425.

Высочайшие инспекции и оформление контуров русского присутствия

Не ограничиваясь школой, «по воскресеньям Мама давала уроки семьям девушек-учениц»¹²⁰. Тесное взаимодействие с общиной дало неожиданные плоды. Со стороны населения квартала появились настойчивые просьбы «назначить вечерний класс Русского языка для взрослых мужчин»¹²¹. По заверениям родителей, соберется «человек до 30, мы скоро пойдем, только маленько укажите нам»¹²². М.А. Черкасова ответила, что «сколько Бог мне сил даст, пожалуй готова»¹²³. Комментируя данное прошение, она отмечала, что «Православные Сирийцы постоянно молят Бога, чтобы быть им под властью Русского Государя, когда, говорят, откроется школа и будут петь в церкви, будет у нас Маленькая Россия в Мсайдбе; перевели на арабский язык Спаси Господи Люди Твоя (молитва за Царя) и молятся за нашего Отца Монарха Александра III, портрет которого вместе с Государыней Императрицей почти в каждом доме»¹²⁴.

Повторим, что в ситуации постоянной угрозы бейрутским христианам со стороны мусульман глава русских школ волей-неволей становилась представительницей России — покровительницы православных христиан. Портреты августейших особ, школа, русский язык представляли символические элементы, которые видимым образом должны были демонстрировать принадлежность к православному сообществу и означать, что данные люди состоят под защитой одной из Великих держав.

Внимание высочайших покровителей Общества способствовало укреплению данных представлений. 21 сентября 1888 г. Бейрут с однодневным визитом посетили августейшие паломники: председатель ИППО великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна и великий князь Павел Александрович. В 9.30 утра, сойдя с парохода «Кострома», Их Высочества в сопровождении генконсула отправились «сначала в церковь», где бейрутским митрополитом Гавриилом (Шатила) было совершено «на славянском языке краткое молебствие»¹²⁵, а оттуда в школу М.А. Черкасовой в квартале Мусайтбе. Как доносил К.Д. Петкович: «По дороге народ встречал всюду русских Авгу-

¹²⁰ Там же. С. 423.

¹²¹ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 39 об.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 209 об.

стейших путешественников с изъятием живого неподдельного восторга, в особенности в христианских православных кварталах, где наши единоверцы мужчины и женщины поднимали руки к небу, посылали благословения, кричали “аллах инсур” (да дарует Бог победу Русскому Царю), бросали цветы и пальмовые ветки и стреляли из ружей, вопреки строгому запрещению»¹²⁶. Турецкая полиция безуспешно пыталась пресечь стрельбу и пение. В самой школе шла активная подготовка к визиту председателя ИППО: «Сделали учительницам, которых тогда было лишь четверо, форменные платья (откуда и взяли начало форменные платья по всем школам Общества благодаря посещению Их Императорских Высочеств), одежды же бедных детишек прикрыли поверх их разношерстных и неоднобразных костюмов белыми рубашечками с разных цветов кушаками: для каждого класса свой цвет и того же цвета платочки на голове»¹²⁷.

На площади перед школой М.А. Черкасова с учительницами и детьми встретила «Их Высочеств пением по-русски: “Боже! Царя храни” и “Спаси, Господи...”, каковые молитвы Их Высочества, благоговейно стоя и осеняя себя крестным знаменем, выслушали, равно и следующее за этим приветствие, сказанное моей помощницей-арабкой...»¹²⁸. Во время двухчасового визита Елизавету Федоровну сопровождала Аффифе Абдо, а великий князь Сергей Александрович беседовал с М.А. Черкасовой, расспрашивая об отношениях арабов к русским. Как пишет М.А. Черкасова: «Я была глубоко счастлива, имея возможность искренно и правдиво засвидетельствовать Ему о нелицемерной любви православных арабов к Своей Покровительнице — Великой Церкви Русской»¹²⁹. Сергей Александрович лично слушал чтение и ответы детей, задавал им вопросы, указывая в Евангелии места для чтения, с необычайной простотой обращался с учащимися. Неожиданно для М.А. Черкасовой Сергей Александрович с Елизаветой Федоровной пожелали посетить и комнату наставницы, где им пришлось сидеть на том самом диване, который «был сколочен из дорожного ящика»¹³⁰. Из временного свидетельства первоначальной неустроенности ему суждено было стать реликвией школы, которую миссионерка берегла «как предмет дорогого воспоми-

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 195. Л. 107–111 об.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

М.А. Черкасова с учениками школы св. Николая (Хай Румели).
 «Московские школы» Ливана, 1887–1914. Бейрут, Санкт-Петербург, 2012

нения»¹³¹. После отдыха и официальных визитов великие князья посетили русское генеральное консульство. Вечером того же дня М.П. Степанов поздравил М.А. Черкасову с «отрадным впечатлением, которое произвела Ваша хорошая школа на Их Высочеств. <...> Да благословит Господь Бог Ваше святое дело и в будущем на поддержание дорогого нам Православия. От меня лично спасибо Вам бесконечное»¹³².

Подводя итоги визита, важно отметить сложившийся бейрутский треугольник и, шире, Антиохийский или сирийский: русское консульство, русская школа и православная церковь с элементами богослужения по-славянски. Эти три точки станут опорой русского присутствия на православном Востоке в конце XIX — начале XX в.

Проблемы кадрового состава

В следующем учебном 1889/90 г. были предприняты попытки усилить педагогический персонал учительницами из России. В июне 1889 г. по решению Общества в Бейрут были назначены А.С. Дубенская и А.Ф. Клементовская.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

Эксперимент потерпел фиаско. Вскоре после приезда А.С. Дубенская обратилась с просьбой¹³³ о переводе «из этого вертепа куда-нибудь, где выбор Ваш остановится»¹³⁴. «Хотим мы скрыться в Россию, — писала она В.Н. Хитрово, — не хотим свое здоровье терять из-за этой каторги. Здесь сердце ни минуты не имеет покоя, хотя оно какое бы ни было крепкое, но лопнет от сильного горя»¹³⁵. Причиной горя и мнимой потери здоровья двух подруг стала Мария Александровна: «Мне никогда в жизни не приходилось видеть особу набожную с таким зверским характером. <...> Она держит нас как десятилетних девочек, у кого хотите самолюбие лопнет...»¹³⁶ Досталось в этом «доносе» и Аффифе Абдо: «Не были еще кухарками, так здесь поступили в сан их, как не больно сердцу все это делать и смотреть, когда все сидят за столом, а мы которая-нибудь прислуживаем девчонке. Если, которая по малолетству должна нам послужить»¹³⁷. Не привыкла к тому, чтобы «за 50 руб. исполнять должность прислуги под названием учительницы»¹³⁸. «Но долго ли коротко, — резюмировала А.С. Дубенская, — я соберу свои пожитки и уеду. Я не привыкла к унижениям»¹³⁹. 18 октября 1889 г. она подала прошение о переводе из Бейрута, а 1 ноября примеру подруги последовала А.Ф. Клементовская.

Впоследствии, когда в переписке с Обществом заходила речь о возможной помощнице из России, М.А. Черкасова признавалась, что «страх меня объемлет от одной мысли, как бы не оказалась она вроде Савельевой, Бакуниной или Дубенской... Согласитесь, не желание осуждать говорит это, а печальная, скорбная повесть произведенных опытов вывоза из России учительниц и обратного увоза»¹⁴⁰. Девуцы, которые, как писал А.Е. Крымский, имея в виду учительниц ИППО, «всегда страшно тоскуют от недостатка развлечений»¹⁴¹ на Востоке, М.А. Черкасовой явно не подходили. Чтобы дать объективную оценку важному казусу Дубенской–Клементовской, интересно обратиться к опыту присылки русских учительниц в пансион «Бакурет эль-Ихсан» в 1896–1897 гг., свидетелем которого был А.Е. Крымский. Лично не любивший М.А. Черка-

¹³³ «Донос сумасбродной женщины» — как его охарактеризовал В.Н. Хитрово.

¹³⁴ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 71.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. Л. 71–73 об.

¹³⁷ Там же. Л. 73.

¹³⁸ Там же. Л. 72 об.

¹³⁹ Там же. Л. 73 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 117.

¹⁴¹ Крымский А.Е. Письма... С. 95.

сову востоковед тем не менее был солидарен с ней в оценках и отмечал, что, несмотря на «большой спрос на русских учительниц», их «с трудом можно найти в России. (...) Каждые два года им полагаются деньги на проезд в Россию на каникулы; но они обыкновенно, приехавши в Россию, уж ни за что не хотят возвращаться обратно»¹⁴². Русский учительский коллектив пансиона ненавидел Бейрут от всей души, называя, как М.А. Каменская, Сирию страной «пальм, кактуса и хубза (хлебные лепешки. —Е.К.)»¹⁴³ или как О.И. Малинина, которая патетически восклицала: «Когда я буду уезжать из Бейрута, я закрою глаза, отброшу голову назад и буду стараться, чтобы счастливая минута отъезда не омрачилась взглядом на этот подлый Бейрут!»¹⁴⁴

Не будет большим преувеличением сказать, что А.С. Дубенская и А.Ф. Клементовская рассуждали примерно в том же ключе и покидали его в духе, описанном выше.

О миссии Палестинского общества

Кадровый голод в среде педагогического состава ощущался в Обществе очень остро. В 1889 г. встал вопрос об открытии женского учительского пансиона, во главе которого планировалось поставить М.А. Черкасову. «Достаточно было мне с Вами и Вашею школою ознакомиться, чтоб сказать себе, если это не безусловный идеал (где он есть в человеческом деле), то это есть мой идеал. Раз составил себе такое убеждение, очевидно явилось и желание осуществить его, поставив Вас во главе не бейрутской одной школы, а той, которая будет рассадником будущих наших наставниц»¹⁴⁵, — писал секретарь Общества в Бейрут 22 марта 1889 г. По его плану учительская семинария должна была располагаться в Бейт-Джале под Вифлеемом. Детей школы Мусайтбе предполагалось отправить в пансион Лябибы Джахшан, а М.А. Черкасову перевести в Палестину. «Остается определить когда?» — безапелляционно завершал письмо В.Н. Хитрово¹⁴⁶.

Гладким этот план выглядел лишь на бумаге. Знакомая с реалиями местной жизни М.А. Черкасова стала возражать. Она выступила с встреч-

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же. С. 57.

¹⁴⁴ Там же. С. 98.

¹⁴⁵ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 25 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 26.

ным предложением — открыть пансион в Бейруте. «Недаром католики-иезуиты мудрейшие в своем роде избрали центром своей пропаганды Бейрут, устроив в нем все и низшие и высшие учебные заведения и отсюда уже рассылают по всем и Палестинским школам. Здесь народ почище и посмышленнее будет Палестинских филахов. Это убеждение всеобщее, так что на учительницу, приехавшую из Бейрута, смотрят с уважением и предполагают в ней знающую дело свое. Бейрутяне же никогда не примут учительницу из Палестины, смотря на них с презрением¹⁴⁷. Так дело уже поставлено десятилетиями. Протестанты 50 лет у нас¹⁴⁸. «По внутренним силам народа арабского учительницы для него должны выйти из Бейрута»¹⁴⁹, — заканчивала свою мысль М.А. Черкасова.

В развернувшейся полемике единственным аргументом В.Н. Хитрово стали деньги. Пансион, по его мнению, «должен быть непременно в Святой Земле, ибо ею мы живем и не имеем никакого право расходовать собираемые ею священным именем средств на другие православные страны...»¹⁵⁰. Движимая трехлетним опытом постоянного пребывания в сиропаливанском регионе, М.А. Черкасова не отступала: «Смотреть на школу эту как на преддверие к Палестине, по Вашему выражению, по меньшей мере, скажу не знаю, как и думать; повторяю, знаю, что Общество Палестинское, а не Сирийское, но с другой стороны по количеству и качеству народонаселения не даром же на Бейрут смотрят и из Палестины как на центр»¹⁵¹.

Эта дискуссия затронула гораздо более значимую проблему — о миссии Палестинского общества на православном Востоке. Размышляя о количественном и качественном отличии Иерусалимского и Антиохийского патриархатов, М.А. Черкасова невольно ставила вопрос о смысле существования Палестинского общества: «Знаю, что Ваша цель Палестина, но **ведь не земля же, а Церковь живая** (выделено нами. — Е.К.), и вот здесь-то членов этой Церкви поедают волки»¹⁵². Однако «Церковь живая», т. е. христиане Сирии, в миссионерском смысле В.Н. Хитрово не интересовала. Здесь становилась ясна мировоззренческая пропасть, разделявшая М.А. Черкасову и В.Н. Хитрово, который

¹⁴⁷ Испытать в Бейруте это предсказание не пришлось, но в Дамасской женской школе оно полностью оправдалось — столичные родители не хотели принимать учительниц из Палестины, предпочитая гречанок.

¹⁴⁸ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 15–15 об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 81.

¹⁵⁰ Там же. Л. 26.

¹⁵¹ Там же. Л. 16–16 об.

¹⁵² Там же. Л. 17 об.

рассматривал арабские школы как «преддверие» к Палестине и средство к овладению Иерусалимом.

Школа во имя Михаила Архангела

Не имея кандидатуры для замещения М.А. Черкасовой в Бейруте, открытие семинарии было решено отложить до 1890 г. Все это время Мария Александровна находилась в раздумьях: «Я сильно боролась с мыслью: остаться здесь или уехать — в этой внутренней борьбе, не уповая на себя, молила Господа сотворить в нас Волю Его»¹⁵³. В мае 1890 г. произошло событие, определившее выбор миссионерки: отказаться от Бейт-Джалы. Спустя три года после прибытия М.А. Черкасовой на Восток была открыта вторая школа во имя Михаила Архангела.

Весной 1890 г. в квартале Мазраа протестанты изгнали «одну служившую у них православную учительницу»¹⁵⁴. Как пишет А. Абдо: «Однажды эта учительница пришла в церковь Святых Архангелов Михаила и Гавриила, поставила свечу и стала молиться около алтаря»¹⁵⁵. Руководительница школы, узнав об этом, уволила наставницу, заметив ей строго: «Если вы возжигаете свечи и молитесь перед идолами (так они называют наши православные образа), то вы не можете преподавать в нашей школе». И изгнаша ее вон»¹⁵⁶. Будучи бедной вдовой, она пришла к М.А. Черкасовой и, «заливаясь слезами, попросила открыть школу в аль-Мазраа и принять ее туда на работу»¹⁵⁷. Узнав, что протестанты на несколько дней остались без учителя, «Богу изволяюще и помогающе», «порассудив и спросив совета Митрополита (ибо это его епархия)», М.А. Черкасова решила «воспользоваться этим их замешательством»¹⁵⁸. Гавриил (Шатила) советовал не только не мешкать, но и сам предложил приехать освятить ее.

Пользуясь славой Мазраа как беспокойного района, из которого «бывшие жильцы повыехали, боясь повторения резни»¹⁵⁹, Мария Александровна с помощницами нашла «довольно приличный (гораздо лучше Американской школы) домик, особняк, окруженный садом, всего за

¹⁵³ Там же. Л. 83.

¹⁵⁴ Там же. Л. 83 об.

¹⁵⁵ Абдо А.Д. Краткая история... С. 426.

¹⁵⁶ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 83 об.

¹⁵⁷ Абдо А.Д. Краткая история... С. 426.

¹⁵⁸ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 84.

¹⁵⁹ Там же. Л. 84 об.–85.

(600 пиастров в год) 11 франков в год¹⁶⁰, менее 6 Наполеонов»¹⁶¹. «Наняли бедную женщину караулить, чтобы спала в кухне ночью, а днем приносила воду детям, поила бы их и вообще держала бы домик в чистоте и порядке, что обойдется франков около 5 в месяц. Затем купили досок, а частью употребили доски старые, разобрав перегородку <...> Наняли столяра, который работал здесь под моим присмотром, устроили и прочие мелочи и все это тихо и быстро, так что через неделю открыли школу»¹⁶².

19 мая 1890 г. митрополит Гавриил совершил литургию в церкви архангелов Михаила и Гавриила (в приходе которой находилась школа), а «затем пешком по глубокому песку пришел в школу, отслужил молебен с водосвятием, окропил школу и благословил окруживших его детей и матерей их, затем опять пешком (ибо лошадям тяжело) по горячему песку под палящими лучами солнца с полчаса пути шел до нашей главной школы, откушал у меня и пробыл весь день до 4-х часов вечера»¹⁶³. Такое внимание иерарха воодушевило православных и способствовало успеху предприятия, а с учетом того, что пожилой «митрополит никогда почти не бывает в этом далеком от города квартале, торжество было велие...»¹⁶⁴. М.А. Черкасова не скрывала своего восторга: «радость наша еще величайшая, ибо в тот же день пришло 40 человек детей, а на другой 85, на третий день 101, а сегодня 116 детей. В протестантской школе остались в первый же день 3 маленьких мальчика, перед которыми сидела уже вновь нанятая ими учительница»¹⁶⁵. «Так, — заканчивает историю открытия школы в Мазраа А. Абдо, — вместо протестантской школы появилась школа православная, потому что к Маме пошли учиться все девочки этого квартала, а протестанты были вынуждены закрыть свою школу»¹⁶⁶. К августу 1890 г. количество учениц в школе достигло 220. Педагогический состав двух школ во главе с Ариффе Абдо увеличился до шести учительниц.

Участие дипломатии в открытии и второй школы было минимальным — консул в Бейруте отсутствовал, «он был в отпуску в Константинополе»¹⁶⁷. Роль руководства Общества оказалась и того меньше — об учрежденной школе (как и в 1887 г.) оно было уведомлено *post factum*.

¹⁶⁰ 1 Наполеон равен 108 пиастрам и 10 пара.

¹⁶¹ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 85.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же. Л. 85 об.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же. Л. 86.

¹⁶⁶ Абдо А.Д. Краткая история... С. 426.

¹⁶⁷ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 84.

Действуя на свой страх и риск, миссионерка ни минуты не сомневалась в правильности решения: «А если бы я стала выжидать пока мое письмо дойдет к Вам, да получится ответ, то наверное дело это покрылось бы ледяною корою...»¹⁶⁸ Возможно, это был единственно верный путь. Как вполне справедливо отмечал А.Е. Крымский: «...у нас в России все очень медленно делается, а в Палестинском обществе в особенности»¹⁶⁹.

«Куй железо, пока горячо. Вот мы и сковали, — объясняла М.А. Черкасова секретарю ИППО, — а если Вы теперь самого кузнеца вздумаете за мнимое якобы самоуправство положить под молоток на наковальню, что же? Я только порадуюсь, подобно апостолам, что за распространение Слова Божия и служение Церкви Его пришлось потерпеть»¹⁷⁰. Как и следовало ожидать, за самоуправство она получила «дружески высказанный» выговор от В.Н. Хитрово. Более суровых мер помогла избежать телеграмма М.П. Степанова, содержащая благодарность от имени председателя Общества великого князя Сергея Александровича. «Лично я после этого едва ли могу иметь какое-либо суждение»¹⁷¹, — подчеркнуто сухо резюмировал секретарь ИППО.

Однако невозможность иметь официальных суждений не помешала В.Н. Хитрово в язвительном тоне прокомментировать успехи М.А. Черкасовой: «...да это безусловно прекрасно, если бы Вы вели дело личное, но это дело общественное... Нужно много самонадеянности, чтобы считать, что всякое дело, им делаемое, есть непременно дело рук Божиих или указания свыше»¹⁷².

Отсутствие поддержки, сухой тон и полная противоположность взглядов «мухомора» (по меткому определению А.Е. Крымского) В.Н. Хитрово и миссионерки-пассионария привели М.А. Черкасову к нервному срыву и нескольким дням «горячечной лихорадки». «Я не бесчувственная, Василий Николаевич, (...) и я крайне скорблю, что заслужила все выговоры, столь дружески высказываемые Вами в письме Вашем, получив которое, я до того была возмущена прочитав его, что глаз не могла сомкнуть, напряженно соображая о сделанной мной безумной ошибке»¹⁷³.

Итогом бессонных ночей стало решение, о котором она и сообщила В.Н. Хитрово: «Я во исправление своей ошибки возвращу назначенные

¹⁶⁸ Там же. Л. 84–84 об.

¹⁶⁹ Крымский А.Е. Письма... С. 139.

¹⁷⁰ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 84 об.

¹⁷¹ Там же. Л. 103 об.–104.

¹⁷² Там же. Л. 104 об.

¹⁷³ Там же. Л. 119.

на эту школу 1200 франков и приму ее на свое личное иждивение, согласно справедливому замечанию Вашему»¹⁷⁴. «Да, я это и имела в виду при открытии, что если это не входит в цели и планы Общества, я беру ее на свой счет. Впредь же, будьте покойны, не намереваюсь более оказывать Вам такой медвежьей услуги»¹⁷⁵. Данное предложение не было поддержано Обществом.

Холодная война с консульством

Таким образом к 1890 г. действительный статский советник К.Д. Петкович получил возможность отрапортовать в посольство в Константинополе о состоянии русского школьного дела: «В двух школах, содержимых в Бейруте на счет ИППО, девочки учатся читать и писать по-арабски, а также и по-русски. Заставляют их заучивать и петь разные молитвы и переводить Евангелие из русского на арабский язык. Из наук же преподают им только начала православного катехизиса, географии и арифметики. Начальница школ русская, а все ее помощницы местные православные арабки»¹⁷⁶.

За три года работы отношения М.А. Черкасовой с генеральным консульством не только не претерпели изменений к лучшему, но скорее приблизились к состоянию холодной войны. Конфликт из вялотекущего перешел в острую фазу осенью 1890 г. Директриса просила консульской защиты от нападков араба-арендодателя, который в грубой форме угрожал выгнать ее из дома, но получила ответ, что эти дела консула «вовсе не касаются»¹⁷⁷.

Доводя об этом до сведения Совета Общества, М.А. Черкасова сообщает довольно характерные черты отношения сотрудников дипломатического корпуса к своим соотечественникам¹⁷⁸: «Вообще он имеет обычай жаловаться, что я не езжу к нему и приглашает даже обедать, или говорит, что приглашает, между тем, мне довелось несколько раз

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 110 об.

¹⁷⁷ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 123.

¹⁷⁸ В аналогичной ситуации с преемником К.Д. Петковича на консульском посту князем А.А. Гагариным (с 5 декабря 1896 г. по 20 декабря 1897 г. управляющий консульством в Бейруте, после чего назначен секретарем генерального консульства в Марокко) оказался и А.Е. Крымский, что, впрочем, впоследствии не помешало им выстроить добрые отношения (князь нуждался в переводчике с арабского языка).

крайне усталой заехать к нему из города, застать его садящимся завтракать. Что же Вы думаете? Он не только не пригласил меня, даже заметил: разве вы не знаете, что я в 12 часов завтракаю и запер мне на носу дверь. И это не один раз случалось, что задерживая делами в городе, заедешь к нему на минуту по делу, и если он за столом, так и проходишь перед дверями около часу в коридоре, где на вас только кавасы с удивлением смотрят, что это де за барыня, что ее за дверями держат пока господу откушают...»¹⁷⁹

Как опытный дипломат К.Д. Петкович перевел вопрос в политическую плоскость, фактически обвинив М.А. Черкасову в неблагонадежности и отсутствии верноподданнических чувств: «...Вы ни во что не ставите Генерального Консула. Вы уже здесь 4 года, а ни разу не присутствовали на молебствии 30 Августа в праздник Государя с девочками и не поздравляли меня, тогда как учителя здешних арабских школ с учениками это всегда делали и делают. А этот раз сам Патриарх с гор спустился. Не знаю можно ли назвать Русским Ваше заведение в этом»¹⁸⁰. Анализируя ситуацию, М.А. Черкасова не могла уйти от более общих выводов: «Да не это больно, что араб полудикий кричит, Господь с ним, это бы еще ничего, а больно сознание, основанное на многолетнем опыте, беззащитности Русских подданных в Малой Азии; все нации имеют защитников в лице своих консулов, все ограждены так, что никто не смеет мало-мальски грубо обойтись с ними, зная, что за это угрожает тюрьма, все — кроме Русских»¹⁸¹. «Так что не мусульман мы здесь боимся, а Консула и его драгоманов»¹⁸², — резюмировала М.А. Черкасова¹⁸³.

Вероятно, эти характеристики были симптомами общей болезни российских учреждений МИДа за границей. Выдающийся врач и публицист Н.А. Белоголовый в те же годы в Женеве описывал аналогичную

¹⁷⁹ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 133–133 об.

¹⁸⁰ Там же. Л. 123.

¹⁸¹ Там же. Л. 130 об.

¹⁸² Там же. Л. 132 об.

¹⁸³ Насколько парадно-официальная история Общества отличается от подлинной, можно оценить по следующему эпизоду. В 1888 г. великий князь Сергей Александрович, планируя свой визит в Палестину, испрашивал у министра иностранных дел Н.К. Гирса орден Святой Анны 1-й степени для К.Д. Петковича, который, по его словам, «никогда не отказывает в своем просвещенном содействии деятельности Православного Палестинского Общества. Существование школ Общества в Сирии и правильное их направление во многом обязаны и участию, и заботливости К.Д. Петковича...». (Россия в Святой земле: документы и материалы. Т.1. М., 2000. С. 456) Считаем необходимым дать возможность читателю самостоятельно оценить степень обоснованности мотивировки наградного листа.

ситуацию. Нельзя не привести данного свидетельства, которое демонстрирует типичный характер испытаний, выпавших на долю начальницы школ в Бейруте: «Если для всякой образованной народности <...> посольства родной страны служат на чужбине как бы клочком их родины, где они могут получить совет в затруднительном случае, найти защиту против незаконного притеснения и т.п., то наши посольства являются для русских своего рода высшим присутственным местом, каким-то святилищем, вход в которое трудно доступен для обыкновенного смертного»¹⁸⁴.

Хоть и «не консульская дочь, но потомственная дворянка»¹⁸⁵ — наставница школ — в большей степени переживала не за собственное уязвленное самолюбие, а за тот эффект, который данный стиль обращения производил на местное население, подрывая престиж русского дела. «Вы всегда ставите, — писала она В.Н. Хитрово, — мне в пример Католические и протестантские миссии. Боже мой! Да ведь здесь воочию вижу в каком почете начальницы школ инославных: они в своих каретах ездят, каваса имеют <...> Только относительно положения моего это крайне неблагоприятно действует на Арабов, которые всегда спрашивают, отчего Москоб не так обходятся со своими начальницами школ как Католики и Протестанты»¹⁸⁶. Так неожиданно социальные практики, принятые внутри страны (и многократно описанные в русской литературе демократического направления), обнаруживали себя за ее пределами.

По понятным причинам поддержки в лице В.Н. Хитрово М.А. Черкасова найти не смогла: «Сменить К.Д. мы не можем, сделать ему выговор — не имею права, а в заключение верьте моему опыту — это лучший из наших представителей на Востоке»¹⁸⁷. Более того, ей было прямо указано, что присутствие «на торжественной службе в соборе в Царские дни и поздравление представителя Императорского Правительства в эти и праздничные дни для Вас обязательно (подчеркнуто в тексте В.Н. Хитрово. — Е.К.)»¹⁸⁸. Вся помощь В.Н. Хитрово ограничилась любезным приглашением весной будущего года приехать на каникулы в С.-Петербург¹⁸⁹, «необходимо отдохнуть, освежиться», и «дружеским» советом — «будьте хладнокровнее, затем

¹⁸⁴ Белоголовый Н.А. Наши посольства и консульства. Посвящается русским путешественникам. Carouge (Geneve), 1894. С. 4.

¹⁸⁵ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 130.

¹⁸⁶ Там же. Л. 134 об. —135.

¹⁸⁷ Там же. Л. 141.

¹⁸⁸ Там же. Л. 141 об.

¹⁸⁹ За все время службы в Обществе до своей кончины М.А. Черкасова так ни разу и не воспользовалась полагавшимся ей отпуском.

не осуждайте»¹⁹⁰. В последующем отношения М.А. Черкасовой с русским генконсульством варьировались от натянутых до откровенно враждебных. Только после смерти К.Д. Петковича (в 1897 г. в Одессе) и перевода в феврале 1898 г. из Адрианополя в Бейрут К.Н. Лишина¹⁹¹, любимыми занятиями которого были история и археология¹⁹², наступила эпоха оттепели. Как писал Н.М. Аничков, К.Н. Лишин относился к деятельности миссионерки с большим уважением и употреблял «все старание поддержать почтенную М.А. Черкасову, он не только бывал в училище Святого Илии, но даже раз читал учительницам род лекции о святом Иоанне Дамаскине»¹⁹³.

17 сентября 1891 г. в горном местечке (*араб.* хай) Рмейль вблизи пригородных садов митрополитом Гавриилом была освящена третья школа — во имя святого Николая. О желании ее открыть М.А. Черкасова демонстративно предупредила В.Н. Хитрово еще осенью 1890 г., сразу же после полемики «о безумной ошибке» в Мазраа, и просила вынести его этот вопрос на обсуждение Совета Общества, который и дал положительное заключение. Численность учащихся в ней достигла 400 при десяти учительницах, все из которых были «выпускницами Мамы»¹⁹⁴. В 1893 г. в отдаленном предместье Рас-Бейрут была основана школа во имя Пресвятой Богородицы с 75 ученицами¹⁹⁵.

15 сентября 1897 г. в квартале аль-Джумейзе по просьбе митрополита Гавриила открылась смешанная школа — св. Георгия, которая со 150 учениками и ученицами (при инспекции Н.М. Аничкова 16 марта 1899 г. в наличии было 80 учащихся¹⁹⁶) стала пятой в Бейруте. Ее освящение митрополитом проходило без участия миссионерки, которая была в это время тяжело больна. К осени 1897 г. ее состояние ухудшилось вплоть до угрозы летального исхода, потребовалась срочная операция, которую успешно провели английские врачи. Итого к 1899 г. в городских школах обучалось 852 ученика при 21 учительнице¹⁹⁷.

¹⁹⁰ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 142.

¹⁹¹ К.Н. Лишин (1851–1906) — консул в Адрианополе (1887–1897). 27 ноября (9 декабря) 1897 г. — 23 марта (5 апреля) 1902 г. — генеральный консул в Бейруте. 1902–1906 гг. — министр-резидент в Абиссинии. Член Русского археологического общества, нумизмат.

¹⁹² Крымский А.Е. Письма... С. 270.

¹⁹³ Аничков Н.М. Учебные и врачебные заведения... С. 162.

¹⁹⁴ Абдо А.Д. Краткая история... С. 426.

¹⁹⁵ Аничков Н.М. Учебные и врачебные заведения... С. 132.

¹⁹⁶ Там же. С. 126.

¹⁹⁷ Там же. С. 109.

Не благодаря, а вопреки...

В отечественной историографии усилиями А.А. Дмитриевского и Н.Н. Лисового история всего русского дела в Антиохийском патриархате свелась к руководству Общества, прежде всего В.Н. Хитрово, и чиновникам дипломатического корпуса. Однако данная позиция требует переосмысления: Петербург Хитрово и Бейрут Мамы Московские в лучшем случае не соприкасались, в худшем — враждовали.

Независимость М.А. Черкасовой раздражала руководство Общества. Н.М. Аничков в официальном отчете жаловался, что М.А. Черкасова со временем прекратила переписку с В.Н. Хитрово и не писала «обстоятельных писем или сообщений ни к кому из лиц, находящихся в управлении Совета Православного Палестинского общества»¹⁹⁸. По его мнению, она присылала «запросы, наполненные упреками, сетованиями и носящими следы крайней раздражительности их автора»¹⁹⁹. Вся ответственность возлагалась им на тяжелый характер уже немолодой учительницы. Однако в личном письме к В.Н. Хитрово от 9 мая 1900 г. (в то же время, когда готовился для публикации и отчет о ревизии) акценты расставлены совсем иначе. Н.М. Аничков приводит выдержки из письма М.А. Черкасовой в канцелярию Общества: «...целый год содержали двух учительниц, не имея на то сумм. Вы не позволяете делать чрезвычайных расходов без Вашего на то разрешения. Между тем целыми годами заставляете меня писать Вам одно и то же, не считая нужным мне отвечать, а дело не терпит: дети валяются на полу, подвергаются дождю зимою и жаре летом, остаются без книг, без учебных принадлежностей и т.п.». И уже в гораздо более деликатном тоне он добавляет: «Для проверки этого надо работать по особому поручению и полномочию Совета Общества, чтобы разобратить, кто виноват»²⁰⁰. О том, что эти претензии М.А. Черкасовой были вполне основательны, Н.М. Аничкову было, конечно, хорошо известно (даже перьев не хватало)²⁰¹, но идти против всевластного В.Н. Хитрово он не решался.

В июне 1897 г. накануне открытия школы в Джумейзе, когда М.А. Черкасова находилась на грани жизни и смерти, равноудаленный

¹⁹⁸ Там же. С. 115.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 43. Л. 84 об.—85.

²⁰¹ В своем дневнике во время ревизии школы Святого Ильи 18 марта 1898 г. он поместил: «Школа Черкасовой в Мусайтбе — Св. Илии. Дурная обстановка; мало пособий, даже перьев недостаточно» (ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 774. Л. 10).

от действующих сторон А.Е. Крымский сообщает следующие характерные подробности образовательной деятельности ИППО в Бейруте: «Хитрово совсем из ума выжил... Четыре русских учительницы института отказались служить в Сирии. Хитрово, не позаботившись даже поискать других, решил ни с того ни с сего отдавать их ежегодное жалованье (12000 франков, т. е. 4500 рублей) в руки Амелии Сюрсок на улучшение школы, в которой уж почти не будет русского элемента с осени, — отдать в распоряжение бесконтрольное. Что выйдет не трудно догадаться. Фактическая начальница Лябиба теперь не скрывает своих враждебных замыслов против русскости... Она всех родителей теперь уж уверяет, что русский язык будет изгнан, а вместо того выпишутся две француженки из Франции»²⁰². И далее: «А когда теперь же М.А. Черкасова попросила Хитрово прибавить несколько франков жалованья одной из ее бейрутских преподавательниц русского языка, получающей какое-то крохотное жалованье и работающей очень усердно (она — арабка), Хитрово ответил: “У Палестинского общества нет на это средств”. Не надо при том забывать, что средства Палестинского общества, которые расшвыривает Хитрово, это сбор простого народа, это рабочие копейки. И они по мановению Хитрово идут в бесконтрольное распоряжение бейрутских арабов для борьбы с русским же элементом. Что за нелепость»²⁰³.

Кажется, что в 1897 г. все способствовало гибели школ вместе с их наставницей. Поэтому если школы и выжили, то только благодаря искренней вере, преданности делу и невероятному самопожертвованию коллектива, собранного Мамой Московские.

Цену критике и придиркам руководства Общества к М.А. Черкасовой показало время. Подвести итоги ее деятельности позволяют результаты ревизии южно-сирийских школ Общества, проведенной в 1906 г. инспектором П.И. Ряжским. Пользуясь пребыванием в Дамаске по случаю патриарших выборов большинства митрополитов, ему удалось собрать мнения иерархов Антиохийской церкви во главе с патриархом Григорием (Хаддадом) об основных недостатках сирийских школ Общества.

Общее мнение архиереев сводилось к необходимости преподавания не только французского, исключенного из программы как языка инославной пропаганды, но «даже английского языка в городских и больших сельских школах». Не мог с ними не согласиться и П.И. Ряж-

²⁰² Крымский А.Е. Письма... С. 146.

²⁰³ Там же. С. 147.

ский: «В ошибочности такого воззрения я теперь вполне убежден, хотя на первых порах моей жизни здесь в Палестине сам разделял его... Пропаганда самая деятельная и успешная и для нас самая опасная идет не на французском, а на арабском языке»²⁰⁴. Таким образом, в споре с руководством Общества по вопросу французского языка жизнь доказала правильность подхода М.А. Черкасовой²⁰⁵.

Другим крупным недостатком в организации школ считали отсутствие средних учебных заведений для городского населения. Бейрутский митрополит Герасим (Мсарра) говорил, что «православные школы как арабские, так и русские работают на католические и протестантские пансионы...»²⁰⁶. Как видим, в 1906 г. иерархи поднимали тот же вопрос, что и М.А. Черкасова в 1889 г. Однако по объективным причинам решить его самостоятельно она не могла, а ИППО выбрало местом для организации учительских семинарий палестинское захолустье Бейт-Джалы и Назарета²⁰⁷.

Касаясь программы преподавания в женских школах, представлялась «крайне желательной самая широкая постановка рукоделия с тем, чтобы ученицы наших школ по выходе не только могли обслуживать себя и семью, но и добывать себе кусок хлеба»²⁰⁸. Единственными школами Общества, в которых преподавались кройка и шитье, что являлось предметом особой гордости их основательницы, были бейрутские школы.

Не обошли своим вниманием владыки и вопрос педагогического состава Общества. По словам ревизора, они единогласно «жалуются на то, что русские служащие и в особенности русские учительницы, а за ними и некоторые арабы, получившие русское образование, чуждаются местных жителей, не заводят с ними частных знакомств и связей, не бывают у них запросто или с визитами»²⁰⁹. Русские учителя и учительницы «ведут себя гордо, часто высокомерно и презрительно с родителями

²⁰⁴ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. №434. Л. 118–118 об.

²⁰⁵ К моменту ревизии в Ильинской школе в Бейруте уже несколько лет в инициативном порядке преподавался французский язык.

²⁰⁶ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. №434. Л. 120–120 об.

²⁰⁷ Впоследствии это привело к вполне ожидаемым результатам. В дамасской женской школе в 1896 г. отказались принимать учительниц из Палестины, что вызвало брожение и в среде общины. (АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. №393. Л. 107–107 об.) Только в голове В.Н. Хитрово Сирия была «преддверьем Палестины», в глазах духовенства и населения все обстояло ровно наоборот. Черкасова предупреждала, что в Бейруте никогда не примут учительницу из Палестины. Доказать это предсказание представилось Дамаску.

²⁰⁸ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. №434. Л. 123.

²⁰⁹ Там же. Л. 123 об.–124 об.

учеников... и тем роняют популярность нашей школы в глазах местного населения»²¹⁰. Митрополит Александр (Тахан) (будущий патриарх) добавлял, что они «мало учатся арабскому языку, слишком далеки от арабских учительниц, мало руководят ими, вместо сердечного отношения к делу довольствуются формальными и сухими требованиями служебной дисциплины, не умеют внушить своим сотрудницам живой любви и интереса к делу»²¹¹. Надо ли говорить, что именно глубокая и самоотверженная вовлеченность в дела общины, судьбу воспитанниц отличала всю деятельность миссионерки М.А. Черкасовой.

Причиной и одновременно следствием отмеченного отчуждения между учителями, учащимися и их родителями являлся языковой барьер. Как отмечал П.И. Рязский, «сближению русских учителей и учительниц с местным населением препятствует по большей части плохое знание арабского языка у русских; но это не служит извинением в глазах местного населения, так как американцы и вообще протестантские учителя благодаря близкому общению с местными жителями скорее научаются этому языку и такое изучение считают для себя безусловно необходимым»²¹². Образец такого отношения к делу давала М.А. Черкасова. Не ожидая упреков митрополитов, она посчитала своим долгом начать изучать язык с первого дня пребывания на Востоке и через три года вполне овладела разговорной речью. Во многом это стало возможным благодаря ее постоянному нахождению в языковой среде, а также общим отношением к своей миссии как к делу жизни, а не краткосрочному приключению в ориентальном стиле.

Можно утверждать, что единственными школами, удовлетворявшими требованиям населения и духовенства, были учреждения в Бейруте, не подчинявшиеся требованиям ИППО. Характерными проблемами российской системы просвещения в регионе были холодное отношение МИДа (за редкими исключениями в виде К.Н. Лишина и А.А. Гагарина), противоречия между руководством Общества и исполнителями на местах, постоянный кадровый голод. Особо надо отметить низкий уровень страноведческой компетентности руководящего состава ИППО. Все эти проблемы усугублялись практически полным отсутствием экономического влияния России в регионе, что снижало возможный комплексный эффект от духовно-просветительской работы.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же. Л. 124 об.

²¹² Там же.

На этом фоне высятся миссионерский подвиг М.А. Черкасовой – больше трех десятилетий педагогической деятельности в бейрутских школах без выездов в отпуск на родину. И если протестанты и католики основательно гордятся такими подвижниками, как Корнелиус ван Дейк (53 года на Востоке) и Джозеф Делор (более сорока лет в школах Горного Ливана), то фигурой, олицетворявшей православную Россию, была Мама – М.А. Черкасова. Образ ее подвижнической жизни запечатлелся в народной памяти православной общины Бейрута. Спустя 138 лет, после того как М.А. Черкасова ступила на сирийский берег, мы могли бы дойти (что автор и посчитал своим долгом сделать) до церкви Святого Ильи в квартале Мусайтбе по улице Мамы, названной так в честь основательницы русских школ.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Абдо А.Д. Краткая история жизни Мамы — Марии Александровны Черкасовой, главы и основательницы русских школ Российского Императорского Православного Палестинского общества в Бейруте. В сб.: *Всматриваясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие*: Сборник статей / И.М. Смилянская (отв. ред.). М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 393–429.
Abdo A.D. A brief history of Mama's life — Maria Alexandrovna Cherkasova, the head and founder of the Russian schools of the Russian Imperial Orthodox Palestine Society in Beirut. In: *Looking at each other... Russia and the Arab World: Mutual Perception*: Collection of articles / Ed. By I.M. Smilyanskaya. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2013. P. 393–429 (in Russ).
2. Аничков Н.М. *Учебные и врачебные заведения императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. Ч. 1. Учебные заведения Сирии и Иудеи*. СПб., 1901. 415 с.
Anichkov N.M. *Educational and Medical Institutions of the Imperial Orthodox Palestinian Society in Syria and Palestine. Part 1. Educational Institutions in Syria and Judea*. St. Petersburg, 1901. 415 p. (in Russ).
3. Белоголовый Н.А. *Наши посольства и консульства. Посвящается русским путешественникам*. Geneve: M. Elpidine, libraire-ed, 1894. 24 с.
Belogolovyj N.A. *Our embassies and consulates. Dedicated to Russian travelers*. Geneve: M. Elpidine, libraire-ed, 1894. 24 p. (in Russ).
4. Дмитриевский А.А. XXV-летие русских школ в Бейруте и служение в них М.А. Черкасовой. *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества*. 1912;23(1):76-88.
Dmitrievskij A.A. The 25th anniversary of Russian schools in Beirut and the service of M.A. Cherkasova. *Messages from the Imperial Orthodox Palestine Society*. 1912;23(1):76-88 (in Russ).
5. Коптев А. *Воспоминание о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим в 1887 году*. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1888. 340 с.
Koptev A. *A Memoir of a Trip to Constantinople, Cairo, and Jerusalem in 1887*. St. Petersburg: tip. M.M. Stasyulevicha, 1888. 340 p. (in Russ).
6. Крачковская В.А. И.Ю. Крачковский на Ливане и в Палестине. *Палестинский сборник*. 1954;1(63):106-124.
Krachkovskaya V.A. I.Yu. Krachkovsky in Lebanon and Palestine. *The Palestinian Collection*. 1954;1(63):106-124. (in Russ).
7. Крачковский И.Ю. *Над арабскими рукописями*. М.: Наука, 1965. 232 с.
Krachkovsky I.Yu. *Over Arabic Manuscripts*. Moscow: Nauka, 1965. 232 p. (in Russ).
8. Крымский А.Е. *История новой арабской литературы, XIX — нач. XX в.* М.: Наука, 1971. 794 с.
Krymskij A.E. *History of Modern Arabic Literature, 19th — Early 20th Centuries*. Moscow: Nauka; 1971. 794 p. (in Russ).
9. Крымский А.Е. *Письма из Ливана (1896–1898)*. М.: Наука, 1975. 342 с.
Krymskij A.E. *Letters from Lebanon (1896–1898)*. Moscow: Nauka, 1875. 342 p. (in Russ).
10. Лагузова Н.А. Школьная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в 1905–1914 гг. *Иерусалимский Православный семинар*. Вып. 3. М., 2012. С. 121–158.
Laguzova N.A. Schooling activity of the Imperial Orthodox Palestinian Society in 1905–1914. *Jerusalem Orthodox Seminar*. Iss. 3. Moscow, 2012. P. 121–158 (in Russ).

11. Лисовой Н.Н. М.А. Черкасова и школы Императорского Православного Палестинского общества в Бейруте. В сб.: *Всматриваясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие*: сборник статей / И.М. Смилянская (отв. ред.). М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 430–463.
 Lisovoj N.N. Cherkasov and the schools of the Imperial Orthodox Palestine Society in Beirut. In: *Looking at each other... Russia and the Arab World: Mutual Perception*: Collection of articles / Ed. By I.M. Smilyanskaya. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2013. P. 430–463 (in Russ).
12. Лисовой Н.Н. *Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX–начале XX в.* М.: Индрик, 2006. 510 с.
 Lisovoj N.N. *Russian Spiritual and Political Presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th and Early 20th Centuries*. Moscow: Indrik; 2006. 510 p. (in Russ).
13. *Россия в Святой земле: документы и материалы. Т.1* / Сост., подгот. текста, расположение материала, вступ. ст., коммент. и общ. ред. Н.Н. Лисового. М.: Международные отношения, 2000. 741 с.
Russia in the Holy Land: documents and materials. Vol. 1 / Comp., prepared by. the text, the location of the material, the introductory article, the commentary. and the general editorship of N.N. Lisovoy. Moscow: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 2000. 741 p. (in Russ).
14. Федотов П.В. Бейрутские школы Императорского православного палестинского общества (1887–1914 гг.): религиозно-политический проект М. А. Черкасовой (по материалам Архива внешней политики Российской империи). *Российский журнал истории Церкви*. 2022;3(2):50–65.
 Fedotov P.V. The Beirut Schools of the Imperial Orthodox Palestine Society (1887–1914): A Religious and Political Project by M. A. Cherkasova (Based on Materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire). *Russian Journal of Church History*. 2022;3(2):50–65 (in Russ).
15. Хитрово В.Н. Православие в Св. Земле. *Православный Палестинский сборник*. Т. I. Вып. 1. СПб., 1881. 132 с.
 Khitrovo V.N. Orthodoxy in the Holy Land. *Orthodox Palestinian Collection*. Vol. II, iss.1. Saint-Petersburg, 1881. 132 p. (in Russ).
16. Хитрово В.Н. *Неделя в Палестине. Из путевых воспоминаний В.Н. Хитрово*. СПб., 1879. 78 с.
 Khitrovo V.N. *A Week in Palestine. From the Travel Memoirs of V.N. Khitrovo*. St. Petersburg, 1879. 78 p. (in Russ).

17. Ювачев И.П. *Паломничество в Палестину ко Гробу Господню*. СПб., 1904. 365 с.
 Yuvachev I.P. *Pilgrimage to the Holy Sepulcher in Palestine*. St. Petersburg, 1893. 365 p. (in Russ).
18. Karpat K. *Ottoman population. 1830–1914. Demographic and social Characteristics*. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 242 p.
19. Hanssen J. *Fin de Siècle Beirut: The Making of an Ottoman Provincial Capital*. New York: Oxford University Press, 2005. 307 p.

 Копоть Евгений Михайлович

 Evgeny M. Kopot'

Старший преподаватель Института истории и политики МПГУ, ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет. Москва, Российская Федерация.
 e-mail: em.kopot@mpgu.su
 SPIN-код: 4877-1419
 AuthorID: 682530
 ORCID: 0009-0009-4145-2349

Senior Lecturer, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (MPGU). Moscow, Russian Federation.
 e-mail: em.kopot@mpgu.su
 SPIN-код: 4877-1419
 AuthorID: 682530
 ORCID: 0009-0009-4145-2349

Поступила в редакцию /
 Received
 09.09.2025

Поступила после
 рецензирования /
 Revised
 17.10.2025

Принята к публикации /
 Accepted
 20.11.2025